

Батарея

Богдан Сушинский

секретный фарватер

Секретный фарватер (Вече)

Богдан Сушинский

Батарея

«ВЕЧЕ»

2015

Сушинский Б. И.

Батарея / Б. И. Сушинский — «ВЕЧЕ», 2015 — (Секретный фарватер (Вече))

В основу нового военно-приключенческого романа известного писателя Богдана Сушинского положены исторические события, связанные с судьбой 412-й (в романе ее номер, а также имена артиллеристов изменены) береговой стационарной батареи Одесской военно-морской базы, предназначавшейся для защиты порта и самого города от нападения вражеских военных судов. Построенный в 1930-х годах по проекту известного военного инженера Дмитрия Карбышева в степи, к востоку от Одессы, этот артиллерийский комплекс, все основные пункты жизнеобеспечения которого располагались глубоко под землей, был тщательно замаскирован. Естественно, что вплоть до падения Одессы он оставался строго засекреченным объектом и вызывал усиленный интерес германской и румынской разведок. Роман является непрямым продолжением ранее опубликованного романа «Черные комиссары».

© Сушинский Б. И., 2015

© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

Часть первая. Дакийский конвой	6
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Богдан Сушинский

Батарея

© Сушинский Б. И.,

© ООО «Издательство „Вече“», 2015

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2015

Часть первая. Дакийский конвой

1

На фоне израненных, полусожженных сел и городишек, которые Гродову пришлось пови-
дать в буджацких степях, нежившаяся между морем и солнцем Одесса представляла непрости-
тельно тыловой и столь же непростительно легкомысленной. Причем ни вереницы военных
грузовиков, ни засилье армейских, флотских, милицейских и даже ополченских патрулей раз-
веять эту легкомысленность уже не могли.

Другое дело, что, преодолевая на грузовике контрразведки Дунайской флотилии бесчис-
ленное множество патрулей, Гродов время от времени ловил себя на мысли: «Господи, пере-
бросили бы мне туда, на „румынский плацдарм“, хотя бы половину этих изнывающих от одес-
ской жары вооруженных мужиков! Тогда уж точно гнали бы мы вояк Антонеску до самого
Бухареста»¹.

– Удачным в твоей «дунайской командировке» на фронт будем считать хотя бы то, что
ты из нее... все-таки вернулся, – сдержанно встретил Дмитрия в своем кабинете начальник
контрразведки Одесской военно-морской базы полковник Бекетов. – Причем вернулся, как
вижу, невредимым и возмужавшим, без особых приключений, – бегло осмотрел его мощную,
хотя и заметно потерявшую в весе фигуру.

Еще в Измаиле, во время посадки на транспорт, Гродов получил приказ полковника:
сразу же после прибытия в Одессу явиться к нему с докладом. И вот теперь он стоял перед
ним, а полковник почему-то хмурился и смотрел исподлобья, словно комбат вернулся не с
передовой, а из длительной самоволки. Только поэтому Дмитрий ответил:

– Ну какие там могут быть госпитальные приключения? Командировка как команди-
ровка. К тому же – на юг. Пусть это мне зачтется вместо отпуска.

– А что, ход мыслей правильный, – подыграл ему Бекетов. – Свежий отдых, молодые
рыбачки. А еще утренний клев на зорьке да прогулки с ружьишком по плавням... Я что-то
упустил?

– В основном все сводилось к тому, что «с ружьишком по плавням...»

– Зато теперь ты – фронтовая знаменитость. Чтобы в первые, самые неудачные, дни
войны вот так, в штаб флота, в Генштаб, на всю страну пошли донесения: «десант Гродова»,
«румынский плацдарм капитана Гродова...» В то время как вся армия, на всех фронтах, орга-
низовано, хотя и слишком поспешно, отходит на заранее подготовленные позиции, батальон
морских пехотинцев, при поддержке всего какой-нибудь роты пограничников высаживается
на берег противника и... Словом, дальше ты знаешь лучше меня.

– Сводки есть сводки... – проворчал комбат, давая понять, что не он их сочиняет. – Чем
словесно изошряться, лучше бы подкрепления вовремя подбрасывали. В самый ответственный
момент командир стрелкового корпуса генерал Егоров снимает с плацдарма один из своих
полков, а затем и последний стрелковый батальон, оставив только моих морских пехотинцев
да потрепанную роту пограничников. Это что за тактика такая?

– Какие подкрепления, комбат?! – грустно улыбнулся полковник, воспринимая этот
упрек и в свой адрес. – Какие, к дьяволу, могут быть подкрепления, если за пограничной

¹ Речь идет о десанте отряда морской пехоты и пограничников в июне 1941 года на мыс Сату-Ноу, что на румынском
берегу Дуная, напротив Измаила, приведшем к созданию единственного на начальном этапе войны плацдарма на территории
врага. По воле автора комендантом этого «румынского плацдарма» стал капитан береговой службы Дмитрий Гродов, а сами
события, связанные с почти месяц длившимся рейдом, отображены на страницах романа «Черные комиссары».

рекой уже орудуют морские пехотинцы?! К кому ни обратиться, все уверены, что на суше моряки должны воевать по принципу: нас мало, но мы в тельняшках! Война еще только начинается, а кое-кто уже просто уверен, что достаточно перед румынскими окопами показаться трем парням в тельняшках и черных бушлатах...

– ...Как румыны тут же перебегают во вторую линию окопов и только тогда открывают огонь. Уже слышаны.

– Вот видишь... К тому же, реагировали на твой «дранг нах Бухарест» в высоких штабах по-разному.

– Это я почувствовал.

– Одни панически восклицали: «Какой, к черту, плацдарм на румынском берегу, если войска и флотилию давно следовало отвести на Днестр, дабы не оказаться в полном окружении и не потерять все суда?!» Другие же впадали в бонапартистскую эйфорию и порывались перебрасывать через плацдарм на румынский берег целые дивизии.

– Увы, только порывались, а надо было перебрасывать.

– Но были и такие, кто становился в позу: «Зачем вообще понадобился этот плацдарм на чужой территории? Чтобы затем нас обвинили, что это мы своим десантом втянули Румынию в войну, вынудив ее на ответные действия?»

– После того как мы почти месяц продержались на вражеском берегу, – спокойно парировал Гродов, – этот штабист должен собственноручно сорвать с себя командирские знаки различия и дослуживать рядовым хозвзвода.

– С вашего позволения, комбат, так и передам ему. Кстати, что это за история с каким-то там румынским капитаном, как его?.. – щелкнул пальцами полковник.

– Штефаном Олтяну. Если вам доложили о нем, значит, кровавая история нашего знакомства вам тоже знакома.

– «Доложили»? – мило улыбнулся Бекетов. – После того как ты отпустил восвояси целую группу врагов во главе с этим капитаном, тамошнее, измаильское, энкавэдэ чуть было не арестовало тебя прямо там же, на плацдарме. Со всеми полагающимися в таких случаях обвинениями, усугубленными связями с иностранкой, некоей румынской подданной Терезией Атаманчук.

– Арестовать? Меня?! – изумился Гродов. – С какой стати?!

– Ты спрашивай: «не с какой стати?», а «по какой статье?», да к тому же по законам военного времени.

– И что же им помешало? Побоялись переправляться на плацдарм? Или же решили, что на румынской территории санкцию на арест придется получать у тамошнего главнокомандующего Антонеску?

– Ты особо не умничай. Благодаря судьбу, что просто так ворваться на плацдарм и арестовать тебя без ведома контр-адмирала Абрамова они не решились, тем более что твой арест мог вызвать смятение в умах многих морских пехотинцев. А командующий флотилией, к счастью, резко воспротивился такому развитию событий, о чем его адъютант тут же сообщил мне. Я же бросился в ноги командующему военно-морской базой контр-адмиралу Жукову². Тот, судя по всему, связался с кем-то из высокого партийного руководства или энкавэdistского начальства...

– Уму непостижимо! – искренне удивился Гродов.

Он пытался вспомнить какие-то особенности отношения к себе во время всех этих секретных потуг НКВД со стороны командования флотилией, но так и не смог. Даже адъютант

² Жуков Гавриил Васильевич (1899–1957). В 1937–1939 гг. командовал крейсером «Максим Горький» на Балтике. В марте 1940 года контр-адмирал Жуков был назначен командующим Одесской военно-морской базой, в состав которой входили все береговые батареи в районе Одессы, Очакова и Николаева. С 1944 года и до конца войны он, к тому времени уже вице-адмирал, был заместителем командующего Черноморским флотом.

командующего старший лейтенант Щедров, с которым у Гродова установились почти доверительные отношения, отзвуки всей этой «штабс-энкавэдистской» бури от него почему-то скрыл.

– Как потом оказалось, развязка устроила всех: ретивого энкавэдиста, порывавшегося найти очередного «врага народа» в ближайшем тылу, отправили искать его на фронт, политруком. А тебя оставили на «румынском плацдарме» и после изучения ситуации даже представили сразу к двум наградам. Свою роль сыграло еще и то, что командование не решилось дискредитировать героя дунайского десанта, об аресте которого могла узнать румынская и германская пропаганда.

– Странно, ни о чем подобном я даже не догадывался.

– И не должен был догадываться, – Бекетов швырнул карандаш на бумаги перед собой и вышел из-за стола. – Когда на всех фронтах наши войска отступали, капитан Гродов со своими бойцами захватил и более двадцати суток удерживал плацдарм на территории агрессора! Это надо ценить! За этим не только тактический, оперативный ход командования флотилии, а важнейшая политическая, пропагандистская акция, – Бекетов выдержал иезуитскую паузу и с подобающей случаю ухмылкой добавил: – Причем, позвольте уточнить, акция нашей, флотской контрразведки.

«Именно этими фразами он и спасал меня от ретивых чекистов», – понял бывший комендант «румынского плацдарма» и, в свою очередь, тоже уточнил:

– ...Поскольку сам план создания этого плацдарма был разработан именно здесь, в этом кабинете.

– Опять же, ход мыслей правильный, капитан, – ничуть не смутился Бекетов. – Кстати, что собой представляет этот твой знакомый, капитан Олтяну?

– Да познакомиться я с ним, собственно, не успел.

– Ну почему же, сидя на могильной плите, вы о чем-то очень любезно беседовали. Общались и во время перевязки Олтяну.

Услышав это, Гродов удивленно повел подбородком: откуда все эти подробности, да к тому же дошедшие до контрразведки флота?

– Там все решали минуты, – объяснил он. – Мне нужно было уберечь своих парней от гибели и ранений, поскольку к тому времени никаких подкреплений наш десант уже не получал. Кроме того, нужно было очистить поселок от противника, спасая при этом блокированных в церкви мирных жителей, которых румыны использовали в качестве прикрытия. Причем сделать все это, пока румынские войска не пришли на помощь блокированному гарнизону.

– Как боевой командир, ты поступал правильно, – по-наполеоновски скрестил руки на груди Бекетов. – Но как будущий кадровый сотрудник контрразведки немного оплошал. Впредь в подобных ситуациях больше времени изыскивай для знакомства с любым офицером противника, с которым прямо или косвенно вступаешь в контакт. Чтобы на ту сторону он уходил уже «нашим человеком». Кстати, неприятности после этого вашего знакомства возникли не только у тебя. Нам известно, что капитаном Олтяну тоже вплотную заинтересовались – сначала сигуранца, а затем и румынское отделение СД во главе с бригадефюрером, то есть генерал-майором войск СС фон Гравсом. Слышал о таком?

– С бригадефюрерами пока не знакомился.

– Все равно запоминай, ибо всякое может случиться. Разве еще недавно ты, командир батареи, мог предположить, что судьба забросит тебя на румынский берег, на плацдарм? Но ведь забросила же. А что касается фон Гравса... Если бы не поленился допросить или хотя бы поговорить с капитаном Олтяну по душам, не исключено, что мог бы услышать его имя. Как теперь выяснилось, фон Гравс и раньше интересовался этим румынским офицером.

– Ну спасти его от гибели и плена – это было в моих силах. Но от сигуранцы и германской СД...

– Не думаю, что есть необходимость спасать его. Не исключено, что твой капитан Олтяну еще объявится под Одессой. Тем более что кое-какие сведения о тебе сигуранце мы уже подкинули. И по румынским каналам, и по нашим, одесским.

– Словом, как контрразведчик я сработал «никак».

– Мог бы выразиться и проще: плохо сработал. Зато как фронтовой офицер – да, вел себя подобающе. Тут к тебе претензий не возникает. О том же свидетельствует и награждение тебя истинно солдатской медалью «За отвагу» – к слову, первой такой в этой войне медалью на Черноморском флоте и в Одесском военном округе. Некоторых твоих десантников тоже наградили различными медалями. С орденом пока подождем, там вопрос еще решается. Да и непристойно было бы отмечать двумя наградами сразу.

– Это было бы пределом непристойности, – с плохо скрываемой иронией потупил взор комбат.

– Медаль тебе вручат сейчас же, в штабе военно-морской базы. И сегодня же ты вновь приступаешь к командованию своей 400-й береговой батареей. Слушок пошел, что без командира степные бомбардиры твои совсем от рук отбились.

2

Если бы не два сторожевика, которые прикрывали «Дакию» справа и слева по борту, и не тройка пикирующих бомбардировщиков-торпедоносцев, постоянно барражировавших по ее курсу, поход этой белоснежной красавицы-яхты мог бы показаться приятной прогулкой вдоль степных берегов Буджакии³. Тем более что за бортом царил полнейший штиль, какой только возможен в устье этой огромной реки, а послеполуденное солнце постепенно умеряло свой пыл, разбавленный к тому же едва ощутимой морской прохладой.

Сама идея перехода плавучего штаба «СД-Валахии» из глубоко тыловых теперь дунайских рукавов во прифронтовой Днестр кое-кому из румынского и германского командования казалась безумием, поскольку почти при полном отсутствии в этой части моря румынского флота в ней безраздельно господствовали советские корабли, в том числе и подводные лодки. Но, получив заверения румынского адмирала, что русские субмарины на прибрежное мелководье никогда не заплывают, а добычу свою поджидают в основном восточнее дунайского устья, бригадефюрер СС фон Гравс все же решился на него.

В конце концов, переход в Днестровский лиман – тот риск, который может позволить себе даже он, генерал, давно убедивший себя и всех вокруг, что в этой войне рейх и его союзники вполне могут обойтись и без его, барона фон Гравса, подвигов. Во всяком случае, теперь у него были все основания наслаждаться плодами своей мудрости: надо же было столь хитроумно соединить видимость служебного рвения и фронтовой храбрости с познавательной морской прогулкой, проходившей в обществе любимой женщины!

Так или иначе ему, как начальнику румынского управления СД, следовало перебазироваться поближе к линии фронта, тем более что под его юрисдикцию попадали теперь все территории, которые румынские войска «освобождали» в междуречье Днестра и Южного Буга и которые, с благословения короля, уже получили наименование Транснистрия.

– Господин бригадефюрер, – появился в каюте фон Гравса его адъютант Гольдах. – Докладываю, что мы подходим к городу Вилково, который именуют «Румынской Венецией». – Он приблизился к карте «Великой Румынии», которая лежала на приставном столике, и уверенно ткнул пальцем в то место, на котором красовалось название городка.

³ Территория между низовьем Дуная и Днестра называется Буджаком, или Буджацкой Степью. С татарского слово «буджак» переводится как «угол».

– Предполагается, что этот городишко способен напоминать Венецию? – лениво оторвал взгляд от иллюминатора генерал-майор войск СС и столь же лениво привстал из-за стола, чтобы проследить за указующим перстом своего адъютанта.

Более часа начальник румынского управления СД провел на палубе, где ни застывшая на безветрии река, ни тент не приносили ему спасения от августовской жары. К тому же штурмбаннфюрер Вольке, который был теперь не только начальником штаба «СД-Валахии», но и начальником корабельной службы безопасности, несколько раз предупреждал его о том же, о чем самого его предупреждали офицеры СД и гестапо Рени, Измаила и Килии: в прибрежных плавнях и поселках все еще скрываются дезертиры и диверсанты. Мало того, начинает проявлять себя оставленное коммунистами подполье... Понятно, что всякий появившийся на палубе офицер – прекрасная мишень для любого из этих обреченных.

– Бывать в Вилкове не приходилось, – ответил Гольдах, – но полагаю, что единственное сходство сего рыбацкого пристанища с Венецией состоит только в том, что вместо нескольких улиц в нем пролегают каналы. При полном отсутствии городской архитектуры и каких-либо памятников старины, а также при полной антисанитарии; приблизительно такой же, какая царит в Галаце, очень напоминающем непростительно разросшийся и некстати оседлый цыганский табор.

– Тем не менее у них это называется «Румынской Венецией»! – осуждающе качнул головой бригадефюрер, у которого с Венецией были связаны свои собственные, причем не только «архитектурные», воспоминания.

– Впрочем, значительно больше о городке и дальнейшем плавании вам может рассказать командир яхты капитан-лейтенант Отто Литкопф, который просит принять его, – только теперь сказал адъютант о том, ради чего появился в каюте шефа.

– Опять этот Литкопф! – проворчал бригадефюрер, демонстративно поморщившись.

– Речь идет об условиях нашего дальнейшего плавания.

– Ладно, пригласи его.

На «Дакии» ни для кого не было секретом, что барон недолюбливал командира штабной яхты, а тот откровенно побаивался его. Вот только никто, кроме адъютанта, не знал, в чем причина таких отношений. Через несколько дней после появления на борту баронессы Валерии фон Лозицки⁴, капитан-лейтенант решил воспользоваться тем, что шеф «СД-Валахии» вынужден был слетать в Бухарест, чтобы присутствовать при встрече германского посла с Антонеску. Однако баронесса не только выставила командира из каюты, но и сочла возможным доложить о происшествии бригадефюреру.

Гольдах не сомневался, что баронесса специально спровоцировала этот конфликт, чтобы завоевать еще большее доверие бригадефюрера, но что сделано, то сделано. Единственное, чего шеф «СД-Валахии» потребовал от всех троих, – чтобы этот конфликт не стал темой для разговоров в команде яхты и ее охране. Начальник галацкого отделения гестапо и так уже высказал свое предостережение в связи с появлением в штабе СД этой «красной псевдоаристократки» и даже пытался предметнее поинтересоваться ее досье. Причем явно не для того, чтобы определить, годится ли она в любовницы.

Но вот что странно: всячески заминая этот «внутрияхтенный» конфликт, простить командира судна барон так и не смог. Или не захотел.

– Господин бригадефюрер, предлагаю на несколько суток задержаться в порту Вилково, – еще с порога молвил встревоженный Литкопф.

Его отец, румынский германец, был владельцем нескольких буровых вышек и одного из нефтеперерабатывающих заводов в районе Плоешти, а кроме того, поддерживал личное зна-

⁴ Основательное знакомство читателей с баронессой Валерией Лозовской (фон Лозицки, или, на немецкий лад, фон Лозецки) и с бригадефюрером (генерал-майором) СС фон Гравсом состоялось на страницах романа «Черные комиссары».

комство с шефом абвера адмиралом Канарисом. Очевидно, поэтому обер-лейтенант Литкопф, списанный с борта какого-то эсминца за нарушение дисциплины, неожиданно для всех сослуживцев был назначен командиром фюрер-яхты, как она в то время именовалась, и тут же повышен в чине.

Правда, накануне этих событий сам фюрер от яхты окончательно отказался, но это уже никакого значения не имело. Уважая мнение адмирала Канариса, в штабе флота тоже решили, что лучшей кандидатуры на должность командира яхты, которая должна базироваться в Румынии, им все равно не найти.

– И каким же образом вы собираетесь мотивировать это свое предложение? – холодно поинтересовался бригадефюрер.

– Обстоятельствами, которые складываются вокруг нашего конвоя. Только что я беседовал с начальником отдела гестапо в Вилкове. Он сообщил, что в обоих гирлах реки, Очаковском и Старостамбульском, – кивнул капитан-лейтенант в сторону карты, – которые чуть южнее городка расчлениют Килийский рукав, все еще продолжается разминирование.

– Но я лично видел письменное донесение о том, что минные заграждения в устье Дуная ликвидированы.

– Минные заграждения – да. Но остались отдельные мины, любой из которых вполне достаточно, чтобы превратить нашу яхту в кучу металла. Причем течение реки приносит сюда все новые и новые сюрпризы.

– Вот как?! – нервно передернулась щека у бригадефюрера, как это бывало всегда, когда он переживал хотя бы легкий стресс. – То есть мы шли сюда, каждую минуту рискуя взлететь на воздух?

– Именно поэтому шли медленно, в фарватере двух тральщиков. Но это еще не все, господин бригадефюрер СС. Только что начальник гестапо этой «Румынской Венеции» связался со своим коллегой в Аккермане⁵, и тот сообщил, что сведения об установлении румынскими войсками полного контроля над Днестровским лиманом оказались... – замялся Литкопф, – преждевременными.

– Это уже серьезно, – вновь проворчал бригадефюрер, подставляя вспотевшее лицо под струю вентилятора. – То есть на восточном берегу лимана все еще находятся русские?

– Пролив и почти вся коса, которую он пересекает, уже в наших руках, однако опасность все еще существует.

– Кстати, – решил усилить позиции командира судна адъютант шефа «СД-Валахия», – этих нескольких дней вполне хватит для того, чтобы баронесса фон Лозицки успела вернуться из Берлина в Бухарест, а оттуда прибыть на самолете в Измаил.

Бригадефюрер и капитан-лейтенант одновременно повернулись к Гольдаху и воинственно уставились на него. Ни одному, ни другому не хотелось, чтобы в эти минуты кто-либо вспоминал о существовании баронессы Валерии.

– А что, собственно, она делает в Берлине? – удивленно спросил фон Гравс о том, о чем не решался спросить в его присутствии командир штабной яхты. – Когда она уезжала из Галаца, речь шла только о Бухаресте.

Но еще больше он удивился, когда вместо подрастерявшегося адъютанта причину берлинского вояжа баронессы объяснил все тот же капитан-лейтенант.

– Мой отец попросил Канариса, чтобы тот принял баронессу и помог ей с оформлением бумаг, связанных с родовым замком фон Лозицки в Австрии. А если учесть, что Канарис многим обязан моему отцу...

⁵ Аккерман – город на Днестре, который в 1944 году был переименован в Белгород-Днестровский, ныне центр одноименного района. Известен своей древней крепостью, мощь которой, в отличие от Брестской крепости, в эту войну никоим образом использована нашими войсками не была.

– Тот помогает адмиралу решать его финансовые проблемы, я в курсе, – поспешно перебил его бригадефюрер. – Но почему именно он, ваш отец, принимает участие в судьбе баронессы?

– По моей просьбе, естественно, – едва заметно улыбнулся командир судна, поражаясь недогадливости шефа «СД-Валахии».

– По вашей?! – опираясь руками о стол, подался фон Гравс к капитан-лейтенанту. – Вы о чем это? С какой стати?!

– При чем люди адмирала постарались настолько, – проигнорировал его возбуждение командир яхты, – что к прибытию баронессы в Берлин все формальности с замком уже были решены. Правда, он нуждается в ремонте и реставрации, и в нем пока еще обитает какая-то дальняя родственница баронессы Валерии, но все это уже несущественно. Тем более что, как оказалось, адмирал знал о существовании этой агентки и лично давал согласие на ее работу в России.

– О ней знал даже сам Канарис?

– Женщины, выступающие в роли агентов, всегда привлекали внимание Канариса. Достаточно вспомнить его увлечение международной авантюристкой Маргарет Целле, известной под псевдонимом Мата Хари, в которую адмирал был влюблен и как в женщину, и как в разведчицу. К слову, шеф абвера сравнивал ее с агентом французского короля Людовика XV маркизой Помпадур, а также с действовавшей в годы Первой мировой войны в оккупированной нашими войсками Бельгии британской разведчицей Эдит Кавель.

– Намекаете на то, что в лице баронессы фон Лозицки наш адмирал от разведки пытается рассмотреть некий аналог Маты Хари? – нахмурил брови бригадефюрер.

– Уверен, что уже рассмотрел. И наверняка не ошибся: баронесса Валерия – случай уникальный. Мата Хари слишком уж была зависима от своих сексуальных привязанностей и денег. Баронесса этих пагубных пристрастий лишена. Если адмирал приставит к ней опытного сотрудника, а главное, постоянно будет держать в поле своего зрения, баронесса способна дать фору любой другой разведчице...

– Признаю, вы интересный собеседник. Каюсь, недооценивал вас. Нет, в самом деле, искренне раскаиваюсь.

– Восприятие своих подчиненных – процесс изменчивый, – снисходительно простил его капитан-лейтенант. – Кстати, к моменту появления баронессы в столице рейха ее ждал сюрприз: как раз сегодня в числе других отличившихся ей должны вручать Железный крест. Возможно, этой процедурой займется сам фюрер. Или же его правопреемник рейхсмаршал Геринг.

Только теперь бригадефюрер вновь опустился на свое место за столом и очумело уставился на командира штаб-яхты. Он решительно ничего не понимал.

– Но вы так и не ответили на мой вопрос, Литкопф.

– Не ответил, зато высказал все, что знал и что имел право сказать, – вежливо склонил голову капитан-лейтенант. – Разрешите идти, господин бригадефюрер СС?

3

Уже намереваясь выйти из кабинета полковника Бекетова, комбат все же решился спросить:

– Если так, ради интереса и сугубо между нами... Кто доносил на меня с плацдарма у поселка Пардина? Откуда у вас такие подробности?..

– Поскольку этот человек уже умер в камере сигуранцы после первого же допроса от сердечного приступа, то могу сказать: эти сведения получены от известного тебе священника, отца Антония, из пардинского храма.

– Неужели от румынского священника?! Никогда бы не догадался. Вот уж, действительно, неисповедимы помыслы твои, Господи!

– И не то чтобы доносил на тебя, а просто информировал, поскольку относился к тебе очень уважительно. Прежде всего в благодарность за гуманное отношение к прихожанам, которые спасались в его храме. Ну а завербовали его в свое время измаильские чекисты. Произошло это сравнительно недавно. Свою агентурную сеть он лишь создавал, но в перспективе... Священник – личность публичная, для разведки самый раз. И за Терезию Атаманчук тебе отдельная благодарность.

– А почему вдруг «благодарность» за Терезию? – настороженно спросил Гродов, пытаясь уловить в голосе и поведении полковника некий подвох.

– За то, что спас ее от сигуранцы. Священник исполнял обязанности резидента всего Восточно-Румынского Придунавья, и то, что он свел тебя с Терезией, было его непростительной ошибкой, ведь она оставалась его надежным агентом.

– То есть к моменту моего знакомства с Терезией она уже была завербована нашей разведкой?! – не сумел комбат скрыть своего изумления.

– Мало того, дом «Атаманши» – как мы ее называем – обладал специально оборудованным подземельем и запасным подземным ходом, поскольку служил явочной квартирой для наших разведчиков – как «легалов», так и «нелегалов».

Не зная, как выразить свое удивление словесно, Гродов отрешенно покачал головой и вновь устался на полковника, не веря, что на этом поток сюрпризов иссяк.

– Вот уж действительно: пути Господни... – задумчиво пробормотал он. – Но тогда возникает вопрос: почему священник свел меня с Терезией? О моем отношении к контрразведке поп вряд ли догадывался, меня ему никто не представлял. Разве что сказалось отсутствие у него специальной разведывательной подготовки?

– Сказалась его сентиментальность. Подселить к ней в дом тебя, красавца, попросила сама молодая вдова Терезия. Увидела, запал в душу... Оба решили, что, поскольку речь идет не о разведчике – об обычном армейском офицере, то можно рискнуть. Так и решились, хотя не должны были. А ведь наша разведка возлагала на «Атаманшу» большие надежды как на будущую радистку и вообще помощницу отца Антония.

– Так получается, что Терезия была радисткой?! Никогда в это не поверю!

– Ну, работе на рации Атаманчук еще только следовало обучить. Предполагалось, что наставляя ее наш радист станет то ли прямо там, поскольку рация будет храниться в ее подземелье, то ли уже на советском берегу, если удастся организовать ее поездку к «тяжело заболевшей» родной сестре в Измаил. Теперь вот выяснилось, что готовить придется здесь, на советском... И пребывает твоя Терезия в ведении армейской разведки. Думаю, со временем сможете увидеться.

– Но жандарм, надеюсь, агентом нашим не был? – не без иронии поинтересовался капитан.

– Жандарм спасал Терезию из сочувствия к ней и к тебе. Что тут непонятного? Тем более что в юности он был влюблен в эту красавицу-казачку.

– Если был влюблен, версия о сочувствии отпадает.

– А где сейчас находится сама Валерия Лозовская, спросить не желаешь?

Дмитрий явственно уловил в голосе полковника некий укор, и это показалось ему странным. Речь шла не о том, что после разговора о Терезии вопрос оказался явно не к месту и прозвучал как бы в упрек его донжуанству. Комбата интриговало сейчас не это. Он вполне мог предвидеть, что следующим окажется вопрос о пленном оберштурмфюрере фон Фрайте. Однако задавать его должен был он, Гродов. Но в таком случае им уже не миновать было бы разговора о предательстве Валерии, о котором поведал этот пленный офицер. Причем трудно предположить, что он мог врать.

– Валерия – это особый случай... – попробовал оправдаться Гродов, делая вид, будто речь идет о сугубо личных отношениях с этой женщиной.

И не удивился, когда Бекетов дал понять, что в тонкие материи его отношений с женщинами вникать не станет. Уже хотя бы из мужской солидарности. Разговор должен идти о переметнувшейся в стан врага Валерии, точнее, о том, как этот агент румынской разведки и абвера сумела втереться в доверие советской военной разведки.

– Кстати, по имеющимся сведениям, штабная яхта «Дакия», на которой Валерия сейчас находится, ушла из румынского Галаца в сторону Измаила. Существует предположение, что вскоре она вообще покинет Килийское русло и уйдет в сторону Днестра. Водоизмещение этой яхты вполне позволит ей подняться по реке, причалить к одному из островков между Тирасполем и Бендерами, от которых рукой подать до Кишинева, и тщательно замаскироваться там.

– Однако все эти города только недавно захвачены румынами. Что в них понадобилось бригадефюреру фон Гравсу?

– Да, захвачены, и понятно, что носительница всевозможных аристократических кровей и титулов баронесса фон Лозицки встретила эту весть с неподдельным ликованием. Будем надеяться, что она основательно закрепится на борту яхты, давно превращенной бригадефюрером в плавучий штаб «СД-Валахии».

– Но я спросил...

– Помню, помню. Дело в том, что Бессарабия, административным центром которой остается Кишинев, и Транснистрия, с центром в Тирасполе, входят теперь в сферу ответственности управления службы безопасности СС в Румынии. К смельчакам, как и к спартамцам, фон Гравс никогда не принадлежал, и понятно, что он нигде не может чувствовать себя настолько защищенно и комфортно, как в своей командной каюте «Дакия», бывшей фюрер-яхте. Добравшись до Тирасполя, – приблизился Бекетов к огромной настенной карте, – он, как видишь, сразу же окажется в сердце двух «освобожденных», но еще изобилующих очагами сопротивления территорий. И хотя место стоянки яхты уже находится в глубоком тылу, при взгляде из Берлина бригадефюрер будет казаться храбрецом, по существу, «подчищающим» со своими людьми румыно-германскую прифронтовую зону.

– И какова же роль во всей этой суете Валерии Лозовской? Кто она: наш агент или, наоборот, агент абвера, который сумел уйти от нас? И потом, я знаю, что через пограничную реку ее переправляли не одну. Но почему не в сопровождении кого-то из наших, опытных и проверенных?..

Бекетов прошелся по кабинету, вновь несколько мгновений постоял у карты и только тогда, вернувшись к столу, проговорил.

– Ты не должен задавать такие вопросы, капитан, а я не имею права на них отвечать. Но я понимаю, насколько это важно для тебя – знать, с кем же ты все-таки имел дело; как понимаю и то, что в данном случае срабатывают еще и сугубо личные причины.

– Срабатывают, вы правы.

– Одну, не используя втемную бывшего белого поручика Петра Крамольникова, отправлять Валерию на румынский берег мы вряд ли решились бы. Понятно, что он должен был служить ей прикрытием, поскольку сценарий операции замышлялся не таким, каким он получился. Но госпожа-товарищ Лозовская, она же – фон Лозицки, или Лозецки, и она же – по родовому титулу и по агентурному псевдониму Баронесса, выстроила события по-своему собственному видению. Наша аристократка решила избавляться от всех, кто обязан был сопровождать или окружать ее. В принципе в агентурной практике такое – когда обстоятельства диктуют совершенно иные решения, нежели предусматривалось планом операции, – случается довольно часто. Вопрос в том, как она поведет себя дальше.

– Значит, сведения, полученные от пленного, не убеждают вас в том, что она...

– Пленного допрашивали вы, а не я, – резко осадил комбата Бекетов. – Увы, до меня его не довели. «При попытке к бегству», видите ли. Причем не исключено, что вам этого старшего лейтенанта СС элементарно подставили.

Они встретились взглядами и... помолчали. «А ведь он даже не потребовал от меня подробного изложения всего того, что мне удалось выудить у эсэсовца во время допроса, – заметил про себя комбат. – Разве что опасается, что у стен его кабинета уже появились „уши“».

– Вот теперь ты знаешь все, – неожиданно прекратил этот разговор Бекетов. – А посему отправляйся в штаб за медалью и помни, что на батарее заждались своего командира. Заново обучайтесь окапываться, засекать ориентиры, отрабатывать ведение огня... Теперь твой боевой опыт может очень пригодиться нашим канонирам.

– На батарею – так на батарею, – неохотно как-то отреагировал Гродов.

– Хочешь сказать, что тесновато теперь тебе станет на береговой стационарной?... Не томи душу, скоро мы все здесь будем чувствовать себя как на огромной батарее, выдвинутой на прямую наводку.

4

Дверь каюты уже давно закрылась, а фон Гравс и адъютант еще долго и бездумно, совершенно непонимающе, смотрели друг на друга.

– Но ведь вы же не только адъютант, черт возьми, – жестко постучал указательным пальцем по столу шеф «СД-Валахии», – вы, гауптштурмфюрер, еще и сотрудник разведотдела службы безопасности СС.

– Так точно, господин бригадефюрер. Прежде всего я сотрудник разведывательно-диверсионного отдела.

– И даже «диверсионного»? Именно такие люди нам и нужны по ту сторону фронта, в России.

– Виноват, господин бригадефюрер. – Оказываться по ту сторону фронта ему явно не хотелось.

– Неужели вы ничего этого, – решительно указал фон Гравс на дверь, – не знали и даже ни о чем не догадывались?!

– Не знал, однако могу высказать некоторые предположения.

– Действительно, всего лишь предположения? – подозрительно покосился шеф «СД-Валахии» на своего адъютанта. Что-то же он все-таки знает, каналья! Чего-то явно недоговаривает.

– Предполагаю, что после того, как баронесса доложила вам о попытках этого красавчика, – тоже кивнул Гольдах в сторону двери, – переспать с ней, она сумела умиротворить сначала самого командира яхты, а затем и его отца, нефтяного магната Карла Литкопфа.

– Но каким образом? После такого-то доноса?! – неуверенно хихикнул бригадефюрер, однако тут же согнал свою идиотскую ухмылку, понимая, однако, что она продиктована самим идиотизмом и непростительной, почти детской наивностью вопроса.

– Вот-вот, – утвердил его в этой догадке Гольдах. – Возможно, это произошло уже на следующий день после доклада, когда вы проводили совещание с офицерами СД в Галаце. Таким образом, она добилась и вашего доверия, и понимания командира штабной яхты.

– Лихо, признаю...

– Не говоря уже о том, что в самом Бухаресте она буквально очаровала миллионера-нефтепромышленника Карла Литкопфа, с которым встречалась в отеле «Империя».

– Вам известно даже название отеля, в котором состоялась эта встреча?

– Мой связист прослушивал разговор командира яхты со своим отцом перед отлетом последнего в Бухарест. А вчера, в перерыве между третьей и четвертой порциями коньяка,

уже сам капитан-лейтенант похвастался, что это его отец, богатством и благотворительностью коего Отто так гордится, оплатил услуги и юристов, и офицеров абвера, которые занимались недвижимостью баронессы. К слову, речь идет не только об Альпийском замке, есть еще два спорных имения. Вернее, они оставались спорными до прилета баронессы в Берлин. Видели бы вы, как снисходительно Отто говорил о слабостях своего отца, словно это уже была не первая женщина, которую они мирно делят между собой.

– То есть хотите сказать, что финансовых затруднений, связанных с реставрацией Альпийского замка, у баронессы Валерии не предвидится? – въедливо улыбнулся бригадефюрер.

– Во всяком случае, сама баронесса уверена в этом.

– И вы ни разу не соизволили поговорить со мной обо всем, что связано с баронессой?! Почему?

Адъютант немного замялся. Его запавшие, болезненного вида щеки показались фон Гравсу еще более серыми, чем представляли обычно.

– Тема уж больно деликатная, господин бригадефюрер. Не находите?

Барон как-то слишком уж натужно, но в то же время понимающе покряхтел.

– Не спорю, деликатная.

– Одно могу сказать: к капитан-лейтенанту Литкопфу баронесса по-прежнему безразлична. Или, по крайней мере, достаточно холодна в отношениях с ним.

– Предпочитая теплоту связи с его отцом, миллионером Литкопфом? – Бригадефюрер откинулся на спинку кресла и, сложив руки на животе, игриво повертел большими пальцами.

– К нему Валерия еще более холодна. Как, впрочем, и ко всем прочим мужчинам.

– Объяснитесь, – застыл фон Гравс, давая понять, что этот вывод уже затрагивает и его самолюбие.

Адъютант пожал плечами, удивляясь непонятливости своего шефа, и, озорно улыбнувшись, произнес:

– Просто она из тех женщин, для которых ни один мужчина никогда не являлся самоцелью, а всегда только... средством для достижения той, истинной цели, которая, как правило, никому из ее случайных, «попутных» мужчин неведома.

– Мне нужно будет осмыслить все, что я услышал от вас, гауптштурмфюрер, – фон Гравс заметил, что адъютант слегка замешкался, и спросил: – Хотите еще что-либо добавить?

– На мой взгляд, баронесса настолько хороша собой, что на ее собственные чувства можно не обращать внимания. Достаточно того, что нам дано обладать такими женщинами.

– Благоразумная мысль, – признал бригадефюрер.

Едва штаб-яхта причалила к дебаркадеру, который служил здесь пристанью, как на борт ее тут же поднялся начальник городского отдела гестапо оберштурмфюрер Штумман. Визит в город столь высокого чина СД стал для него приятной неожиданностью, и теперь этот сорокалетний, неудачно, седоватыми «кочками», облысевший офицер, начинавший свою карьеру полицейским сыщиком, прежде всего старался выяснить истинную причину его появления в этой болотной глуши.

В то, что яхта в самом деле направлялась на Днестр, он попросту отказывался верить: не идиоты же, в конце концов, этот бригадефюрер и его штабисты, чтобы столь опрометчиво довериться военным сводкам и переться прямо под снаряды и бомбы русских.

– Мне сказали, что у вас, оберштурмфюрер, имеются самые свежие данные армейской разведки. Это так?

– Последняя связь с аккерманским отделением гестапо состоялась у меня полчаса назад, – почтительно склонил голову оберштурмфюрер. – Специально в связи с вашим прибытием.

– Оперативно, оберштурмфюрер, оперативно...

– Вот описание ситуации, составленное по сводкам различных германских и румынских служб, – извлек из папочки и положил на стол перед шефом «СД-Валахии» лист писчей

бумаги. – Прорваться к Аккерману, конечно, можно, однако появление столь великолепной яхты не останется незамеченным разведкой противника. Тем более что Днестр – не та река, на которой можно сколько-нибудь успешно маневрировать, пробираясь к Тирасполю.

Фон Гравс мрачным взглядом прошелся по тексту, проворчал: «Кретины! Никому нельзя доверять, никому!» и, отшвырнув сводку, устало помассировал переносицу.

– Что предлагаете, Штумман?

– Уверен, что трех суток окажется достаточно, чтобы русских окончательно оттеснили от восточного побережья Днестровского лимана, особенно от многокилометровой косы, которую прорезает Цареградский пролив. Достаточно уже хотя бы потому, что пролив этот расположен у западного берега. А пока что осмотрите городок, побываем также на Анкудиновом и Очаковском островах, где в это время года можно неплохо поохотиться.

В сопровождении оберштурмфюрера и охраны фон Гравс прошелся по одной из «улиц», на которых проезжей частью был канал, а тротуаром служили дощатые настилы, однако хватило его ненадолго. Каналы были настолько завалены мусором и издавали такой смрадный дух, что буквально через сотню метров бригадефюрер приказал поворачивать назад, к машине. От поездки на острова он тоже отказался: ни охота, ни рыбалка в круг его интересов никогда не входили. Единственное, что его привлекало, – это приглашение местного бургомистра, который решил устроить прием в честь бригадефюрера в одном из ресторанчиков.

– Чем больше я познаю окружающий мир, – произнес он, возвращаясь на дебаркадер, – тем все больше убеждаюсь, что с меня вполне достаточно того мира, который сформировался на яхте «Дакия».

– Странная мысль, – не удержался Штумман.

– После войны я приобрету это судно или построю себе точно такое же. – Как только оберштурмфюрер и сопровождавшие его офицеры удалились, тут же поинтересовался у командира штаб-яхты, который по традиции встречал его вместе с вахтенным офицером на борту у трапа: – Баронесса уже прибыла в Бухарест или все еще находится в Берлине?

– Пока не знаю, – рассеянно ответил тот, явно не ожидая, что подобный вопрос генерал СС решится задать именно ему.

– Так выясните же, черт возьми.

– Постараюсь.

– Может быть, это известно вашему отцу? Или же свяжитесь по радиции с бухарестским отделением СД. Можно даже от моего имени.

5

Когда после награждения и коротких расспросов комбат вышел из штаба военно-морской базы, его уже ждал батарейный мотоцикл с ординарцем Пробневым за рулем и старшиной батареи мичманом⁶ Юрашем на заднем сиденье.

Бойцы принялись было поздравлять командира с возвращением и медалью, но капитан с наигранной суровостью прервал эти словоизлияния: «Отставить! Скоро у самих груди в крестах будут, к тому все идет» и, устроившись в коляске, приказал ординарцу гнать в часть, а мичману – докладывать ситуацию. А еще по ходу дела капитан обратил внимание, что кроме полагающегося старшине батареи пистолета Юраш был вооружен карабином и двумя лимонками в подсумках. Висел карабин и за спиной у Пробнева.

⁶ В довоенное время в СССР части береговой обороны (береговой службы) были выделены в отдельный род войск. Их служащие носили обмундирование служащих Военно-морского флота, но воинские звания имели ряд особенностей. В частности, три звания – краснофлотец, старший краснофлотец (ефрейтор) и мичман (армейский старшина) – соответствовали аналогичным званиям на флоте. Все остальные звания, от младшего лейтенанта до генерал-полковника, соответствовали общевойсковым, однако с мая 1940 года к ним прилагалось определение «... береговой службы».

– Теперь за пределы части – только с таким вооружением, – перехватил его любопытствующий взгляд старшина, по привычке подкручивая косматую правую бровь, словно казачий ус. – Враг, говорят, десантами решил пройтись по нам.

– И что, хотя бы один из диверсантов сумел приблизиться к расположению батареи?

– Я вам так доложу, товарищ капитан: у нашей пока не замечено. Но одного «рыбака» взяли неподалеку от 29-й батареи капитана Ковалевского, считайте, почти у штаба дивизиона, а другой был смертельно ранен в перестрелке неподалеку от стрелковой части, расквартированной в Чабанке. Вроде бы узел связи армейский хотел взорвать, для чего и взрывчатка в степи была припрятана. А на окраинах города еще и постреливают, в основном в офицеров. Судя по всему, страх на нас нагоняют. Однако все это «маневры», лучше расскажите, как там, на войне. На той, настоящей...

– Отставить расспросы. Докладывайте, мичман, что сейчас на батарее происходит, чтобы время потом не тратить.

Юраш подождал, когда в очередной раз утомонится со своей проверкой патруль, и посоветовал молчаливому «рулевому», как держать курс, чтобы на пути попадалось как можно меньше уличных баррикад и патрулей. Саму же суть событий принялся излагать с дееспособности «временно назначенного комбата Лиханова», по поводу которого так прямо и заявил, что старший лейтенант – «человек революционно взрывной, а потому нервный и до неестественности правильный». И что он, старшина батареи, так прямо в лицо ему об этом и сказал.

– Точно, так и сказал, – подтвердил «рулевой».

– И как же Лиханов отреагировал? – улыбаясь, поинтересовался Гродов.

– Философски задумался, – уверенно ответил Юраш.

– Точно, задумался, – вновь охотно подтвердил ординарец. – Четвертые сутки молчит, все пытается понять, что такого заумного старшина хотел изречь ему словесами своими.

– Молчал бы ты, опиум народный! – проворчал мичман. – Тут, товарищ капитан, какая принципиация получается? Матом их кроешь – обижаются; пытаешься с ними как-то поинтеллигентному – тоже не понимают.

– Выходит, что «принципиация» у тебя неправильная, старшина, – заключил Гродов. – Просто матом крыть надо... интеллигентно.

– А что? Это подход... Вот только «интеллигентного мата» пока что никто не изобрел – такая вот принципиация получается.

Ординарец вновь рассмеялся, однако Гродов не только не поддержал его, но и, сурово отсекая иронию, поинтересовался:

– Оборону самой батареи командование базы усилило? Что там с орудиями прикрытия?

– Да вроде бы пытаются усилить! Во всяком случае, батарея «сорокапятков» у нас теперь уже семиорудийная; плюс подбросили шесть минометных стволов и две счетверенные зенитно-пулеметные установки.

– Вдобавок к тем двум зенитным орудиям и двум «счетверенкам», которые уже были, – задумчиво уточнил комбат.

– Нам бы еще роту морских пехотинцев подбросили – и можно воевать.

– Но даже сейчас это уже не батарея, а небольшой укрепрайон, – признал Гродов. – Теперь важно превратить эти разрозненные подразделения в один коллектив, с единым командованием и единым пониманием цели. С подобной раздробленностью я столкнулся еще там, на «румынском плацдарме». Уверен: война научит нас ценить и единоначалие, и каждый ствол, пусть даже винтовочный.

Теперь они двигались по Пересыпи, и по левую руку, в просвете между домами, то и дело возникали камышовые плавни Хаджибейского лимана, будившие у Гродова воспоминания о плавнях мыса Сату-Ноу и Пардины; а по правую – строения зерновой и нефтяной гаваней. Дополняли эту картину корпуса небольших военных судов, ждущих своей очереди у ремонт-

ных стапелей, а также на рейде, у входа в порт. Причем само присутствие их возрождало у бывшего коменданта плацдарма видения дунайских заводов, в которых выжидали своего часа мониторы и бронекатера речной флотилии и которые в любой ситуации оставались последней надеждой десантников.

Некую новизну приносила разве что белая башня Воронцовского маяка, к которой с двух сторон подступали мощные, из огромных блоков выстроенные «волнорезы», защищавшие гавань от штормовых волн.

За Пересыпью дорога стала петлять между степными пригорками, с которых открывался вид на дальний рейд, на котором теперь почти не видно было торговых или пассажирских судов, только два эсминца, словно стражи в серых доспехах, стояли по обе стороны залива, охраняя его от всякого, кто «посмеет посягнуть»...

Засмотревшись на море, Гродов не сразу обратил внимание на натужный дребезжащий звук, долетавший из глубины приморской степи, и лишь со временем сумел различить в поднебесье звено тяжелых бомбардировщиков, идущих на город уже как бы с тыла, со стороны Николаева, откуда их появления ожидали меньше всего. А за ним – еще и еще одно звено, причем все они шли под прикрытием истребителей. И, наконец, в арьергарде этой армады развернутым строем двигались шестеро немецких штурмовиков, таких знакомых комбату по боям на плацдарме.

На подлете к городу вся эта воздушная эскадра разделилась на два потока, один из которых пошел в сторону порта, другой – на промышленные пригороды: Пересыпь, Слободку, Молдаванку... В районе порта тут же подала голос зенитная батарея, послышались выстрелы и где-то в глубине Слободки. Но, остановив мотоцикл на загородной возвышенности и осмотревшись, комбат сразу же обратил внимание на то, как слабо защищен город от авиации противника, и на то, что в небе пока что не появился ни один советский истребитель.

Он перевел взгляд в ту сторону, где располагалась его батарея. Нет, похоже, эта часть предместья пилотов пока не интересовала. Приказывая «рулевому» гнать мотоцикл дальше, капитан был уверен, что доберется до командного пункта батареи без приключений. Но через несколько минут, на выходе из пике, немецкий пилот заметил мотоцикл, идущий вслед за появившимся из-за поворота грузовиком.

Решив, что дорожные цели более беззащитные, нежели те, что находятся в порту, и что в коляске мотоцикла наверняка сидит офицер, он опять снизился и пошел в атаку. Но еще до этого Дмитрий успел крикнуть своему ординарцу: «Лево руля! В кювет!» и, вырвав из рук мичмана карабин, успел выстрелить в надвигавшийся на них фюзеляж вражеского самолета. Он был уверен, что попал, тем не менее грузовик, находившийся метрах в ста от них, мгновенно вспыхнул и, уже неуправляемый, стукнулся о придорожное дерево, а пилот, прострочив щебеночную дорогу буквально в полуметре от мотоцикла, увел самолет в сторону лимана.

Пробнев хотел броситься к пылающему грузовику, но Гродов вовремя успел схватить его за плечо и заставил вернуться, чтобы залечь вместе с ним в кювете. Мичман благоразумно последовал их примеру. А еще через минуту раздался такой мощный взрыв, что куски кузова и металла буквально усеяли все пространство вокруг них.

– Что ж он такое, бедолага, вез, что так аховски рвануло? – отряхивал себя от пыли и комков земли Юраш, усевшись рядом с мотоциклом.

– Судя по всему, бочки с горючим, – ответил капитан, – а немец, сволочь, видать, прошил его из своего крупнокалиберного зажигательными...

Они вместе взглянули на мотоцикл, рядом с которым лежал мичман, и увидели, что передок коляски насквозь прошит куском какого-то железа.

– Видно, комбат, – крестясь, проговорил Юраш, – ты не только сам прибыл, но и войну с собой на прицепе привез.

– Зато с этой минуты на двух обстрелянных бойцов на батарее станет больше. Поверь, старшина, в бою это дорогого стоит.

* * *

Возвращение комбата старший лейтенант Лиханов встретил как избавление от мук душевных и телесных. За время «задунайского рейда» Гродова на батарее прошло несколько инспекционных проверок, каждая из которых начиналась и завершалась учебной тревогой. И все бы ничего, но всякая придирка проверяющего вызывала у вспыльчивого заместителя командира батареи желание дерзить, сопровождая свою дерзость мрачным юмором.

Выслушав его, Гродов лишь сочувственно улыбнулся.

– То, что всякий проверяющий ниспослан дьяволом, знает каждый командир, но «задунайский рейд» показал, что самым жестоким инспектором все-таки оказывается война. И буквально через несколько дней мы в этом убедимся.

– Считаете, капитан, что румыны и немцы все-таки окружат Одессу?

– Теперь уже так «считает» сама судьба этого города. У войны свои законы, желаниям и эмоциям нашим не поддающиеся.

– Да не может быть, чтобы такой город, такой прекрасный порт наши войска оставили врагу! Сюда перебросят корабли флота, подтянут живую и бронированную силу, нанесут серию таких контрударов, что враг откатится назад, к границам.

– В том-то и беда наша, мичман, – с грустью в голосе произнес комбат, – что слишком много таких вот романтиков, как ты, оказалось в наших штабах, причем самых высоких.

Вряд ли мичман в состоянии был понять, что имеет в виду капитан. Да Гродов и не старался разъяснить ему суть своих слов, а тем более – убедить его в своей правоте. Другое дело, что в эти минуты ему вспомнился стрелковый корпус, на который была возложена оборона всего огромного междуречья Дуная и Днестра, но который тем не менее вступил в войну, не имея на своем вооружении ни одного танка. Наверное, до конца дней своих будет помнить он текст телеграммы штаба Черноморского флота, который обещал прислать на плацдарм в помощь его десанту тысячу краснофлотцев, но с условием, что зажатая на одном из узких рукавов пограничной реки, теряющая корабли и людей флотилия изыщет возможность хоть как-то вооружить этот полк.⁷

А еще ему вспомнился кровью и мужеством добытый плацдарм у Килии-Веке, на который не только не перебросили подкрепление, но и тут же сняли с него лишь несколько дней тому назад направленный на плацдарм стрелковый полк. Разве мог он забыть признание штабистов флотилии о том, что сотни добытых во время задунайского рейда его, Гродова, бойцами трофейных румынских винтовок пошли на вооружение призывников корпуса и ополченцев, поскольку иного оружия в распоряжении штаба корпуса попросту не оказалось? И дожились они до такого состояния дел только потому, что те, кто еще недавно радостно рапортовал о готовности армии, флота и населения к отражению любой агрессии, не позаботились даже о создании достаточного запаса личного стрелкового оружия.

– В том-то и дело, мичман, – задумчиво произнес он, – что нет у нас пока что такой – ни живой, ни бронированной – силы, которая способна была бы остановить врага на подступах к Одессе. Не существует ее, старшина батареи, вот в чем беда. Где-то там, на Днепре, на Дону, может, и остановим, однако на этом этапе войны, – решительно покачал головой, – нет. Ни в коем случае. И это не паникерство, а трезвая оценка реального положения на фронтах. Так что все будет зависеть теперь от мужества и находчивости каждого из нас, каждого бойца. Вот такая получается у нас «агитка Бедного Демьяна».

⁷ Подробно об этом со ссылкой на документы читайте в романе «Черные комиссары».

6

В бухарестском аэропорту баронессу встречал обер-лейтенант из румынского управления абвера. Поместив ее в отеле «Бавария», в котором обычно селились германские офицеры, он до позднего вечера старался находиться рядом, сопровождая ее то в расположенный на первом этаже ресторан, то в ближайший магазин, буквально заваленный германскими и итальянскими товарами. Самого города война тоже пока еще не коснулась, да и потери на фронтах казались не столь ощутимыми, чтобы они способны были погружать столицу в траур, тем более что корреспонденты газет и авторы уличных плакатов по-прежнему ликовали по поводу возвращения королевству его исконных восточных земель.

Понимая, что находится под плотной опекой обер-лейтенанта, который сразу же признался, что происходит из семьи русского офицера царских времен, подполковника Веденина, баронесса пригласила его вечером к себе в номер и за рюмкой коньяка прямо, хотя и с игривой улыбкой на лице, поинтересовалась:

– Скажите-ка мне, господин Веденин, как русский русской: в качестве кого вы приставлены ко мне – соглядатая, гида, охранника?

– Поставим вопрос иначе: в качестве кого вы хотели бы видеть меня, баронесса? – Они были ровесниками и одного чина, к тому же в номере находились одни, поэтому ничто не мешало им слегка пофлиртовать.

– В качестве телохранителя, – томно произнесла Валерия, потянувшись к нему выразительными, контрастно очерченными естественной коричневатой линией губами. И в этом «телохранителя» прозвучал свой смысловой подтекст.

– Поверьте, с сегодняшнего дня это превратится в мою мечту: на всю жизнь остаться вашим «телохранителем».

– Первый шаг к этой мечте вы сделаете, точно так же откровенно ответив мне на вопрос: «Какой приказ относительно меня вы получили из Берлина?»

Угловато скроенный, белобрысый, с откровенно неаристократическими чертами лица, обер-лейтенант явно принадлежал к той категории российских дворян, матери которых неосмотрительно «позаботились», чтобы в их жилах текла кровь московских или питерских ямщиков.

– Этот приказ оказался лаконичным, как щелчок револьвера во время русской рулетки: «Головой отвечаете за безопасность баронессы!» А поскольку вы так же дороги мне, как и моя голова...

– Я должна быть дороже вашей головы, – подсказала Валерия.

– Как раз в этом духе я и хотел выразиться. Так вот, поскольку вы очень дороги мне, то я отлучался только однажды: и только для того, чтобы похлопотать о вашем отлете в Измаил.

– И чем же завершились ваши хлопоты, любезнейший?

– В восемь утра вы вылетаете с попутным транспортным самолетом, который направляется в Галац, но пилот позволит себе небольшой крюк, чтобы высадить вас на полевом аэродроме неподалеку от Измаила. Там вас встретят и бронекатером доставят в Вилково, поскольку штабная яхта «Дакия» уже там.

– Странно, она должна была находиться в гавани Тирасполя. Они что, ждут моего прибытия на судно?

– Задержку яхты в гавани Вилкова можно истолковать и таким образом. Однако на самом деле бригадефюреру СС фон Гравсу настоятельно посоветовали потерпеть пару дней, пока не прояснится ситуация на восточном берегу Днестровского лимана, поскольку яхте предстоит путь до пристани Тирасполя. Кстати, вчера мне удалось побеседовать с моим давнишним знакомым, командиром «Дакии» капитан-лейтенантом Отто Литкопфом, который находился в

отделе абвера в соседнем с Вилково дунайском городе Килие. Он восхищен вами и считает, что в вашем лице абвер приобрел агента, способного перещеголять саму Мату Хари. Мало того, Литкопф уверен, что вы подражаете ей.

– Невозможно подражать человеку, тем более разведчику, о котором имеешь весьма смутное представление.

Веденин в нескольких словах пересказал ей биографию известной разведчицы, однако должного впечатления на Валерию она не произвела.

– И все же я не понимаю, почему Литкопф упорно связывает мое имя с именем этой танцовщицы.

– Очевидно, потому что в течение долгого времени она оставалась любовницей адмирала Канариса, причем происходило это задолго от восхождения этого человека в адмиралы, а тем более – в шефы абвера.

Баронесса задумчиво отпила коньяку и с подозрением взглянула на Веденина:

– Признайтесь: все-таки вы намекнули Литкопфу на то, что я стала любовницей Канариса?

– Я бы не решился произнести такое по телефону, тем более что мне мало что известно о вашем пребывании в Берлине, а уж тем более – о связях с адмиралом Канарисом.

– Кто в таком случае мог решиться? Кому что-либо известно?

– Мог отец капитан-лейтенанта нефтяной магнат Карл Литкопф, у которого свои связи и свои информаторы как в Берлине, так и в Бухаресте и который, как мне известно, сопровождал вас перед вашим отлетом в столицу рейха и пытался...

– А вот об этом вам ничего неизвестно, – жестко пресекла баронесса разглагольствования Веденина.

– Как прикажете. Но позволю себе заметить, что вам не мешало бы женить на себе если не самого магната, то, по крайней мере, его сына. Независимо от исхода этой войны это обеспечило бы вам безбедное существование до конца ваших дней, а главное, полную финансовую независимость. И потом, учтите, очень скоро ни в Румынии, ни в рейхе вам оставаться нельзя будет.

– Почему нельзя?... – поползли вверх брови Валерии.

– Потому что обе эти страны потерпят поражение. Россию в принципе победить невозможно. Если же в союзе с ней выступают США и Великобритания со всеми своими доминионами, то понятно, что страны «оси Берлин – Рим – Токио» попросту обречены.

На какое-то время баронесса застыла с рюмкой в руке.

– Признаюсь, что ничего подобного услышать от вас, германского офицера, не ожидала.

– А от сына истинно русского офицера?

– Но тогда возникает вопрос: как далеко вы готовы зайти в своем неистребимом русском патриотизме?

– Все зависит от обстоятельств. Точнее, оттого, когда и кем он будет востребован.

– Именно так, уклончиво, вы и должны были ответить. Самое разумное, что мы способны предпринять сейчас, – это позаботиться о поддержании связи друг с другом. Нет-нет, о замужестве тоже пора подумать, тут вы правы. Но это еще терпит, а я предпочитаю жить днем нынешним. Эту ночь вы намерены провести со мной?

Вопрос был задан таким спокойным и естественным тоном, что Веденин, который как раз в это время приложился к рюмке коньяка, чуть было не поперхнулся.

– Если вы позволите, баронесса... – настороженно ответил он, опасаясь некоей словесной ловушки.

– Честно признаюсь: вы не в моем вкусе, уж извините. Но ради скрепления нашего союза...

Это была одна из тех ночей, о которых, порой втайне даже от самой себя, стеснительно мечтает каждая женщина. Любовником Веденин оказался воистину неутомимым: он брал ее грубо, без каких-либо словесных изысков и физических нежностей, как можно брать самую падшую из женщин, прямо в пролетке или в закутке дворничкой; причем происходило это бесчисленное множество раз и во всех мыслимых позах.

«Воспитание здесь ни при чем, это у него в генах, – попыталась баронесса хоть как-то оправдать сего молчаливого, звереющего от собственной страсти насильника. – Не исключено, что именно таким образом известных, издерганных холодностью и половой слабостью мужей, прародительниц-аристократок не раз брали в свое время безвестные кучера и ломовые дворовые мужики. При чем считай, что тебе, как и предшественницам твоим, подобные встряски только на пользу».

7

В Севастополь полковник улетал, как в глубокий тыл, удивляясь при этом, что сейчас, когда враг чуть ли не подступает к окраинам Одессы, ему выпала такая странная по нынешним временам возможность – оказаться далеко от линии фронта, да к тому же в Крыму. И хотя, провожая его в аэропорту, подполковник Райчев грустновато вздохнул: «Жаль, други мои походные, что это уже не то лето и не тот взлелеянный в мечтаниях Крым...», тем не менее Бекетов сказал себе: «Завидует, служивый! Да и кто бы на его месте не позавидовал, если ты и сам себе почти что завидуешь?»

Но едва самолет оказался над морем, как по нему выпустили несколько пулеметных очередей со своего же, на дальнем рейде мающегося, судна, приняв, очевидно, за чужака. Затем началась такая болтанка в воздухе, словно пилот вел свою старую, не единожды «латаную» машину не по небу, а по проселочным ухабам. А завершалось все тем, что ночной полет их транспортного санитарного самолета, на котором в тыл перебрасывали раненых, изувеченных взрывами офицеров, едва не был прерван атакой немецких штурмовиков. И только благодаря тому, что в небе появилось несколько советских самолетов морской авиации и в ситуацию вовремя вмешались зенитчики, их неповоротливая махина с прошитым пулеметной очередью фюзеляжем с трудом сумела приземлиться на каком-то запасном аэродроме.

Самое время было молитвенно вздохнуть, однако не успел Бекетов дожидаться машины, присланной за ним из контрразведки флота, как на этот степной аэродром налетела другая волна бомбардировщиков, и самолет, из которого он минут десять назад вышел, разнесло взрывом бомбы на мелкие куски. При чем взрыв был такой силы, что часть крыла грохнулась буквально в трех метрах от мающегося у КПП полковника. «А ведь раненые, которые наверняка все еще оставались в самолете, – с суеверной грустью подумалось Бекетову, – считали, что им несказанно повезло, а значит, жить им теперь выпадет долго и по-тыловому счастливо».

– Мне-то казалось, что вы все еще в далеком тылу, – сказал он, пожимая руку прибывшему за ним капитану третьего ранга Красовскому. Левая рука этого офицера покоилась на подвязке, а худощавое лицо его показалось Бекетову землисто-серым, каким обычно бывает у человека, потерявшего много крови и предельно истощенного.

– В Москве того же мнения, – сухо, устало ответил крымчанин, приглашая полковника в «виллис». – Там тоже забывают, что Севастополь бомбят не как один из тыловых городов, а как базу флота. Немцы и их союзники прекрасно понимают: пока не будет сломлен флот, ни Одессы, ни Крыма им не видать. А ведь, судя по всему, они уже замахируются на Кавказ, на грозненскую и каспийскую нефть. – И тут же сочувственно поинтересовался: – Как там Одесса?

– По-прежнему неописуемо красива.

– Это понятно. Как долго сможет продержаться?

– Пока что только одно могу сказать: она держится. Надолго ли ее хватит – зависит не только от боеспособности Приморской армии и Одесской военно-морской базы, но и от того, как долго будет противостоять ударам противника Крым, без флотской поддержки которого, в окружении, нам придется очень туго.

– Только вот беда: силы флота тоже тают, поскольку очень слабое у нас получается воздушное прикрытие судов, – не стал успокаивать его Красовский. – Многие караваны и отдельные суда вообще выходят в море без прикрытия, в то время как немецкие и румынские пилоты все наглее берут под контроль не только одесский, но и новороссийский фарватеры. Чуть ли не каждый наш корабль, особенно слабо вооруженные торговые и пассажирские суда, они превращают в движущуюся и почти беззащитную мишень.

Последствия авианалетов действительно видны были в городе почти на каждом шагу. Причем чем ближе к порту, тем они становились все более впечатляющими, а ведь линия фронта проходила еще очень далеко.

После того как совещание руководителей контрразведывательных отделов всех подразделений флота было завершено, к полковнику подошел уже знакомый ему капитан третьего ранга Красовский.

– С вами желает поговорить полковник Маевский из Главного разведывательного управления. Он только что прибыл из Москвы и ждет вас в моем кабинете. Предмет его интереса мне неизвестен, однако знаю, что он ведает, условно говоря, «румынским направлением».

– В этом и весь «предмет его интереса», капитан третьего ранга, – помрачнел полковник. – О чем тут еще гадать?

Бекетов не сомневался, что офицер из ГРУ прибыл специально по его душу и что «предмет его интереса» заключался прежде всего в личности баронессы фон Лозицки, выход которой из-под контроля еще долго будет аукаться ему.

«Послать кого-нибудь, чтобы убрали баронессу, пока она все еще остается в зоне досягаемости? – в сердцах задался он почти спасительным вопросом. И тут же въедливо посоветовал себе: – Ага, и „гонцом смерти“ назначь капитана Гродова!»

Поскольку, забывшись, полковник рассмеялся вслух, Красовский, сопровождавший его в подвальную часть здания контрразведки флота, удивленно взглянул на него.

– На совещании что-то было не так? – заинтригованно спросил он, все еще оставаясь под впечатлением от той убийственной информации о положении на фронтах, которая была доведена до их сознания.

– Нет-нет, к совещанию это отношения не имеет, – отмахнулся от него Бекетов, и тут же мысленно продолжил: «Но если отбросить шутки в сторону, таким гонцом вполне могла бы стать наша дунайская фурия-казачка Терезия Атаманчук. Женщина сильная, решительная, а главное, узревшая в баронессе свою соперницу. Что может оказаться более сильным мотивом для расправы над женщиной-агентом, нежели ревность соперницы?».

Придя к такому выводу, Бекетов облегченно вздохнул. Если упреки по поводу провала миссии баронессы в самом деле окажутся жесткими и, как любит выражаться в таких случаях майор Кречет, «подтрибунальными», он готов предложить то единственное, что можно и следует предлагать в подобных случаях, – ликвидацию двойного агента. Причем теперь он может предложить это не абстрактно, а называя имя исполнителя, что всегда вызывает уважение у начальства, поскольку становится ясно: руководитель операции осознал свои просчеты и готов исправлять положение.

– Теперь уже ясно, что, вопреки всем ожиданиям, война выдастся затяжной. Вы готовы не соглашаться со мной?

– Не готов, для этого нет основания.

– Причем не исключено, что румынское руководство попытается пойти на перемирие с нами, пытаясь закрепиться на территории так называемой Транснистрии. Вы готовы не соглашаться со мной?

– Не готов.

Этот полковник с дворянской фамилией Маевский и с грубоватым лицом сельского пропойцы говорил тихим, внушающим голосом учителя младших классов. Он мелкими глотками отпивал чай из большой глиняной чашки, но, даже поднося ее ко рту, смотрел на Бекетова белесыми, преисполненными доброты и наивности глазами.

– К счастью, Гитлер пока что не позволяет Антонеску вести с нами переговоры об установлении новых границ, хотя по тем скудным сведениям, которыми мы обладаем, румынский фюрер намеревался прибегнуть к ним. Вы спросите, почему к счастью? Потому что тогда наше руководство оказалось бы в сложном положении. Нам предлагают мир, а мы отказываемся. А ведь велик соблазн заполучить хотя бы часть территории, свободной от фронта; избавиться от нескольких румынских полевых армий. Вы готовы не соглашаться со мной?

На сей раз Бекетов не ответил. Он понял, что, задавая этот вопрос, Маевский в ответе не нуждался, а всего лишь отдавал дань словесной привычке.

– Вы обратили внимание, что я сказал: «по тем скудным сведениям»?

– Обратил.

– В смысле стратегической разведки румынское направление вообще «отработано» нами крайне слабо; сказалась недооценка этой страны в качестве вероятного противника. Большинству наших стратегов даже в голову не приходило, что румыны решатся пойти на полномасштабную войну с нашей страной; предполагали, что они останутся такими же пассивными союзниками рейха, каковыми являются, скажем, Болгария или Словакия. Но теперь очевидно, что румыны не остановятся даже на Южном Буге, который пока что считают пограничной рекой своего королевства. Вы готовы не соглашаться со мной? Впрочем, извините, – тут же исправил свою оплошность Маевский. – Мудро поступаете, что стремитесь не обращать внимания на мои сугубо риторические вопросы.

– Если я правильно понял, вам нужен агент стратегической разведки, который бы сумел проникнуть в высшие сферы румынского руководства?

– И похоже, что такой агент у вас уже появился, – некая аристократка имперских кровей баронесса Валерия Лозовская. Правда, вы ошибочно пытались использовать ее для нужд тактической фронтовой разведки, для чего она мало приспособлена.

– Теперь это уже очевидно.

– С ее «личным делом» я ознакомился. Однако оно явно устарело. Вы занимались этим агентом здесь, вы переправляли ее в Румынию... Что дальше?

– Дальше – провал.

– Не понял. Насколько можно судить по донесениям разведки, баронесса спокойно вращается в высших сферах немецкого командования в Румынии, а недавно даже была принята самим шефом абвера. Согласитесь, что такая честь выпадает не каждому. К тому же Валерия была награждена Железным крестом за выполнение задания на нашей территории. Вам это известно?

– Нет, неизвестно, – твердо и правдиво ответил Бекетов.

– Тогда о каком провале вы твердите?

– О нашем провале, тех, кто готовил и отвечал за операцию «Корона».

– Тоже преждевременный и непродуманный вывод. Не разочаровывайте меня, Бекетов. Да, на какое-то время баронесса вышла из-под вашего контроля; она не ищет связи с вами, так как находится под плотной опекой сразу двух вражеских разведок. Понятно, что в данной ситуации вы не можете определиться, как вести себя с ней дальше, поскольку известно, что она была подставлена нам абвером и румынской разведкой. Но из этого вовсе не следует, что

операция провалена. Впрочем, я слишком поторопился с выводами. Излагайте, Бекетов, излагайте... Только предельно откровенно.

«А ведь этого полковника послал мне сам небесный покровитель разведчиков, – подумалось Бекетову. – Более удобного случая изложить всю суть происшедшего во время операции „Корона“ и тем самым не только облегчить свою душу, но и подготовить почву для дальнейшей работы, спасаясь при этом от подозрений, придумать невозможно».

8

Бекетову тоже принесли чай, но, пока полковник во всех мыслимых подробностях, абсолютно ничего при этом не утаивая, пересказывал ход операции, напиток основательно остыл. Полковник уже понял: по своим каналам Маевский получил такие сведения, какими лично он не обладает и неспособен был обладать. Бекетова это, конечно, задевало, но, с другой стороны, ясно, что у полковника из ГРУ и масштабы деятельности были иными, и возможности – другими.

– А теперь ваши выводы, достойнейший? – мягко, почти вкрадчиво потребовал тем временем Маевский.

– Фактически все выглядит так. Поддавшись на нашу вербовку, баронесса сумела утаить, что с ней уже входили в контакт представители абвера.

– Что она уже является агентом абвера, – все так же вкрадчиво уточнил москвич. – И тем самым избежала ареста в нашей стране. К слову, в какое-то время мы стали подозревать, что она может оказаться агентом-двойником, но операция «Корона» уже была запущена и хотелось рискнуть; слишком уж многообещающей оказалась родословная этой леди. В конце концов, мы всегда сможем прижать ее к ногтю, ну а в случае провала что мы, собственно, теряем? Какими тайнами, способными удивить Запад, она обладает? Впрочем, мы опять отвлеклись.

– Так вот, – продолжил свой рассказ Бекетов, – сначала баронесса убрала одного агента сигуранцы, который очень мешал ей, а затем и контрабандистов, которых мы использовали для переброски ее за рубеж в рамках промежуточной операции «Контрабандист». Агента и контрабандистов баронессе можно было бы простить, но...

– Мы простим баронессе убийство этих врагов отечества без каких-либо «но». Так или иначе их следовало расстрелять.

– Однако она сдала радиста, которого мы переправляли вместе с ней через Дунай и который должен был поддерживать связь с радистом военно-морской базы. С этим как быть?

Маевский допил чай, аккуратно вытуженным платочком вытер губы и лоб:

– Тут вот какое дело, полковник Бекетов. Если исходить из канонов разведки, то операцию «Корона» следовало отменить, не доводя ее до шлюпки контрабандистов. По поведению, по реакции агента сигуранцы, который контактировал с ней, Лозовская поняла, что за рубежом ей перестают доверять и что здесь, в Одессе, есть кто-то, кто отслеживает каждый ее шаг.

– Согласен, у нее были для этого основания.

– На берегу пограничной реки ее никто не должен был встречать, но, еще находясь в шлюпке, она заметила: там засада. То есть ее возвращения, конечно, ждали, ведь Валерия сама сообщила об этом. Но, во-первых, она рассчитывала, что выйдет на контакт с сигуранцей, когда сочтет нужным. А во-вторых, никаких сведений об операции «Контрабандист», то есть о том, когда, каким образом и где именно она будет переходить границу, баронесса за рубеж не передавала.

– Таких нюансов этой операции я не знал. Получается, что кто-то ее выдал, – пожевал нижнюю губу Бекетов. – Это уже повод для серьезных раздумий.

– У нас нет никаких сомнений в том, что в Измаиле или в Килие действовал вражеский агент, который знал об операции по заброске нашего агента.

– Получается, что в ходе операции «Корона» на каком-то этапе баронесса переиграла и нас, и абвер? – не скрывая своего удивления, уточнил Бекетов.

– Получается, что так. Но вот что странно: старший лейтенант Лозовская не только по-прежнему выполняет те установки, которые получила от нас перед отправкой в Одессу, но и действует с еще большим размахом. Она сумела отмести все подозрения сигуранцы, войти в доверие к руководству СД в Румынии, наладить связь с семейством нефтяных промышленников Литкопфов. Мало того, она умудрилась побывать в Бухаресте и даже в Берлине, где ее женскими прелестями умиленно любовались адмирал Канарис и рейхсмаршал Геринг.

Бекетов удивленно качнул головой. Факты, которые выкладывал ему полковник Маевский, казались настолько невероятными, что в них трудно было поверить.

– Но это еще не все. Не исключено, что на очереди – знакомство с новоиспеченным маршалом Антонеску. Там, где нужно пустить в ход свои женские чары, баронесса не пасует и нравственными запретами себя не изводит. В этом ее неоспоримое преимущество перед многими другими агентами и сочувствующими им.

– У вас уже налажена связь с ней? – спросил Бекетов, отдавая себе отчет в том, что полковник может и не отвечать на этот вопрос, по крайней мере правдиво.

– В настоящий момент не налажена. Но мы не нервничаем и не форсируем события. Зачем лишний раз подвергать ее риску? Другое дело, что наши люди тоже отслеживают действия баронессы. Но только используем мы их втемную: они следят за ней как за предательницей. Что это нам дает? Объясняю: в случае провала каждый из них сможет подтвердить, что русская разведка готовится к ликвидации баронессы. Причем исполнить приговор обязан будет именно он. Просто пока что приказа на уничтожение предательницы не поступало.

– Но тогда получается, что и меня вы тоже в какой-то степени использовали втемную?

– Получается, что использовали, – спокойно согласился Маевский. – Вы – профессионал и должны понимать, что этого требуют каноны разведки. А что касается баронессы фон Лозицки, или, как ее называют немцы, фон Лозецки, то поймите, Бекетов: у нас есть кому считать эшелоны, направляющиеся из глубокого вражеского тыла к линии фронта, а также выведывать полковые сплетни у подвыпивших вражеских офицеров. У баронессы же иная миссия.

– Хотелось бы знать, какая именно.

– В нашей разведывательной практике это случай особый, можно сказать, уникальный. При определенном раскладе баронесса с ее титулами и красотой вполне может стать супругой или невесткой какого-нибудь монарха, президента, премьера; да мало ли как сложатся обстоятельства!

– Лихо закручено.

– Для того и существует стратегическая разведка; для таких случаев и предусмотрено введение в игру «агентов влияния», классическим примером которого как раз и способна стать баронесса фон Лозицки. Так что не хотелось бы, коллега, чтобы в отношении баронессы вы пороли какую-либо горячку. Понимаете, о чем я?

– Как видите, до сих пор мы не горячились. Хотя согласитесь, что этот разговор должен был состояться намного раньше.

– Но тогда он не был бы столь предметным. Мы ведь и сами не сразу разобрались в ситуации. Понадобилось время, понадобились усилия нашей агентуры.

– Тоже верно, – согласился Бекетов. – Словом, стоит задуматься: то ли я слишком устарел для современной разведки, то ли пока еще не дорос до нее.

– Не в этом сейчас дело. Баронесса Лозовская действительно происходит из аристократического семейства, породненного с несколькими монархическими родами Европы, так что это не легенда ее, а реальный факт из родословной. Из этого следует, что Валерии не нужно вживаться в образ аристократки, достаточно оставаться собой. Вот мы и решили: пусть она пока что осторожно входит, внедряется в высшие сферы Румынии и рейха; пусть соблазняет

нефтепромышленников и втирается в доверие высших чинов вражеской контрразведки; пусть завладевает замками и активами концернов...

– Чувствуется размах.

– Еще как чувствуется! Однако замечу, что в ее распоряжении ровно год, в течение которого она может вести себя как ей заблагорассудится. Но спустя год мы обязательно решим, каким образом лучше всего использовать ее положение и возможности, сообразуя их с положением на фронтах и во вражеских столицах. Согласитесь, что, достигнув положения в западном мире, она способна будет создать целую разведывательную сеть.

– Если только возникнет такая целесообразность.

– Согласен, если возникнет...

– Итак, в ее распоряжении год?..

– Контрольный контакт должен произойти уже этой осенью. Для прояснения, так сказать, диспозиции. Поэтому нужно думать, кто из наших людей может оказаться рядом с ней еще до этого, решающего контакта. Но только из очень надежных и, я сказал бы, несколько «неожиданных» людей. Есть кто-нибудь на примете?

– Из касты «неожиданных»? На мой взгляд, есть.

– Поскольку ответ оказался очень поспешным, то предполагаю, что речь идет о капитане Гродове, с которым у баронессы сложились особые отношения?

– О, капитана Гродова нужно будет тщательно готовить, и запускать тоже неспешно, основательно, поскольку он уже всерьез засветился на «румынском плацдарме» как командир береговой батареи... Словом, он может пойти только во втором эшелоне. Причем для начала нужно провести разведку боем.

– Не возражаю. Кого предлагаете в качестве гонца с целью этой самой «разведки боем»?

– Нашего агента, женщину из украинок казачьего рода, давно осевшего на территории Румынии.

– Почему бы вам не сказать прямо, что хотите послать Терезию Атаманчук? Она же – «Атаманша».

– ...С которой Гродов познакомился на «румынском плацдарме». Согласно одному из возможных сценариев, она способна готовить появление в стане врага самого капитана, но уже в роли перебежчика.

– Где он сейчас?

– Командует береговой батареей, расположенной восточнее Одессы.

– То есть перед нами – настоящий боевой офицер.

– И сын морского офицера. Кстати, в румынской офицерской среде он уже известен под кличкой Черный Комиссар, и, как это ни странно, относятся к нему, как к бывшему коменданту «румынского плацдарма», с должным уважением.

– Вот видите, полковник, а вы сразу же ударились в сомнения: «То ли устарел, то ли не созрел?..» Каждый агент, каждая операция требуют своего подхода и своего решения. Не исключено, что Гродов составил бы баронессе прекрасную пару, поскольку оба они из племени отчаянных авантюристов.

– В их характерах действительно просматривается нечто общее, – согласился Бекетов. – Наверное, поэтому они очень быстро нашли общий язык.

– Значит, стоит подумать, каким образом подставить его противнику. Прежде всего, поговорите с ним, как он к этому отнесется.

– Поговорю, и вместе подумаем.

– Причем главное здесь – не бояться отступить от шаблона, идти на определенный риск.

– Но при этом исходить «исключительно из канонов разведки», – предостерег Бекетов, давая понять, что использует оружие своего собеседника. Он мог бы также дать Маевскому понять, что тот не убедил его в верности баронессы советской разведке, но побоялся, что и его

намек тоже будет выглядеть неубедительно. Тем более что разубеждать в этом представителя Главного разведуправления армии ему пока что было невыгодно.

...И оба полковника сдержанно рассмеялись.

9

Когда в измаильском отделении сигуранцы, куда все еще сопровождавший ее обер-лейтенант Веденин обратился за помощью, стали гадать, каким способом – сухопутным или речным – лучше всего перебросить баронессу в Вилково, она охотно избрала бронекатер. Но, как только Валерия поднялась на предназначенное для этого суденышко, тут же попросила командира о том, о чем в свое время не решилась попросить бригадефюрера фон Гравса, пребывая на борту «Дакии», – хотя бы минут на двадцать высадить ее на мысе Сату-Ноу.

– Зачем? С какой стати? Что, какие воспоминания связывают вас, баронесса, с этим мысом? – подозрительно косился на нее командир катера лейтенант Попеску, выражая свой внутренний протест на первый взгляд спокойно заданными вопросами.

– Лично меня ничто не связывает ни с мысом Сату-Ноу, ни с этой рекой, ни с этим краем, – ответила баронесса, игриво помахав рукой направлявшемуся к трапу Веденину. Проводив Валерию на борт катера, он теперь сходил на берег, чтобы немедленно возвращаться в Бухарест. – Что касается мыса, то на твердь эту нога моя пока еще не ступала.

– Догадываюсь: хотите взглянуть на места, в которых держали плацдарм ваши «черные комиссары», – безошибочно определил командир суденышка, палуба и борта которого были искорежены отметинами осколков и пуль.

– Что вы имели в виду, когда говорили «ваши черные комиссары»?

– Насколько мне известно, вы из русских.

– Эта аристократка, – задержался на первой ступеньке обер-лейтенант, – более чистых кровей румынка, нежели вы... Попеску. – В его устах это «Попеску» прозвучало с таким презрением, с каким могло прозвучать только уничижительное «пошел вон!». – И для Великой Румынии эта разведчица и диверсантка сделала во стократ больше, чем вы способны предположить.

Перечить германскому офицеру, к тому же старшему по чину, командир не стал. Проникнувшись ответственностью момента, он не только направил свой бронекатер к правому берегу, но и обошел мыс с севера на юг, чтобы затем высадить баронессу как раз в том месте, где Сату-Ноу «срастался» с материком. Здесь все еще отчетливо просматривались полузасыпанные окопы, земля возле которых была испещрена воронками так, словно на нее обрушился метеоритный град.

– Хотите сказать, что именно здесь держали оборону моряки десантного батальона? – с волнением спросила Валерия, останавливаясь возле полуразрушенного блиндажа, в котором наверняка приходилось бывать и капитану Гродову.

– Как вы уже поняли, мы называли их «черными комиссарами». И командира их тоже до сих пор называют Черным Комиссаром.

– Мне известно, как вы называете русских моряков и как сами моряки называют вас, румын-фронтовиков.

Лейтенант подозрительно взглянул на баронессу. Он тоже прекрасно знал, с каким презрением относятся русские моряки к румынским солдатам, однако реагировать на колкий намек баронессы не решился.

А тем временем мыс, этот клочок чужой земли, был дорог Валерии уже хотя бы потому, что здесь все напоминало о капитане Гродове и его морских пехотинцах; что возле каждого блиндажа или дота, возле каждого пулеметного гнезда она могла возрождать его образ, фантазируя по поводу того, в каких ситуациях оказывался здесь командир бесстрашных морских

десантников. Вот здесь, подобрав винтовку одного из убитых, он, возможно, помогал своим бойцам отбивать атаку румын; здесь, в этом наспех сооруженном блиндаже, пересаживал очередной артналет; а вон там, у пулеметного гнезда, с криком «Полундра!» поднимал своих морячков в контратаку, намереваясь завершить ее кровавой рукопашной схваткой.

А ведь могло случиться и так, что она оказалась бы вместе с капитаном на этом же плацдарме, в конце концов, она медик, пусть даже пока что недоученный. Если учесть, что Бекетов бросил капитана на этот плацдарм ради прохождения стажировки, то почему бы не испытать на этом же «полигоне смерти» и ее, грешную? Правда, тогда – уцелей она на этом полигоне – жизнь ее пошла бы по совершенно иному руслу, но стоит ли загадывать?

– Кстати, замечу, – растерзал ее зрительные и почти осязаемые иллюзии суховатый голос командира бронекатера, – что здесь проходил последний рубеж русских.

– Из этого следует, что они до конца удерживали мыс под своим контролем, что и было основной задачей десантников, – как бы про себя заметила Валерия.

– Именно с этого рубежа наши солдаты окончательно выбили их, очистив последний участок нашей земли.

– Ваш катер принимал участие в блокаде мыса?

– Нет, не пришлось.

– Вот видите, – с ироничной загадочностью улыбнулась баронесса.

– Но ведь здесь и не было никакой блокады, – попытался оправдываться Попеску. – Во всяком случае, со стороны реки. Так что моряки постоянно получали огневую поддержку судов, а также поддержку в живой силе, с восточного берега.

– Почему же вы не блокировали плацдарм со стороны реки?

– Из-за мощного огня русских корабельных орудий и береговых батарей, а также из-за минных заграждений наши бронекатера и мониторы так и не смогли прорваться даже к самому северному русскому селению на Дунае, то есть к порту Рени.

– Вот видите, – все с той же ироничной загадочностью повторила Валерия.

– Что вы хотите этим сказать?

– Удивиться хочу, что до сих пор вы так и не знаете, – стал мстительно жестким ее голос, – горстка этих самых «черных комиссаров» так и не пропустила ваших солдат через свою последнюю линию обороны, которую оставила ночью, организованно, по жесткому приказу командования.

– Извините, баронесса, у меня другие сведения, – сконфуженно проворчал лейтенант румынского королевского флота. – Официальные, смею вас заверить. Понимаю, вы – офицер союзного нам абвера, который считается ныне лучшей разведкой мира, но ваши замечания и колкости...

– Я появлюсь у трапа через десять минут, лейтенант, – прервала его Валерия. – Оставьте меня одну.

– Осторожно, здесь могут быть мины, установленные по приказу Черного Комиссара.

– Напрасные волнения, лейтенант. Лично мне это уже не угрожает. На одной из «мин» этого капитана я в свое время так подорвалась, что ни хирург, ни Господь собрать меня по частям уже не в состоянии, – по-русски ответила Валерия, всматриваясь при этом не под ноги, а в высокое, лишь слегка подернутое дымкой августовское небо. – Только произошло это не на мысе Сату-Ноу и вообще не здесь и не сейчас, а, как мне теперь кажется, очень давно, в другом мире и в другой жизни.

Русского языка этот румынский офицер не знал. Но даже если бы он владел им в совершенстве, вряд ли сумел бы вникнуть в тот истинный смысл, который закладывала в свои слова «аристократка монарших кровей», как представил ее Веденин, о жизни и судьбе которой лично он, Попеску, ровным счетом ничего не ведал.

В блиндаже еще сохранилась ветками и камышом устланная лежанка. Валерия присела на нее и почувствовала такую усталость, словно только что завершился очередной, возможно, наиболее ожесточенный за все проведенные здесь дни рукопашный бой. Она заметила в углу серый комок, осторожно взяла его двумя затянутыми в перчатки пальчиками и поняла, что это свиток бинта – пропитанного кровью, запыленного и ссохшегося. «Надо бы узнать, получил ли здесь какое-либо ранение Гродов», – сказала себе и аккуратно положила бинт на то место, на котором он лежал.

– Ну что, набрались впечатлений, баронесса? – поинтересовался лейтенант, уводя ее в сторону катера.

– Это даже не впечатления, а некое перевоплощение. Чувствую себя так, словно еще недавно была бойцом десантного батальона, который, отходя, оставил меня на прикрытие. Впрочем, возможно, он так и не отошел, а весь poleg, и я – последняя, кто сражался в его окопах.

– У вас непостижимо развитое воображение, – передернула губы лейтенанта растерянная какая-то ухмылка. И баронесса мстительно отметила про себя: «А ведь представить, что в ипостаси последнего защитника плацдарма оказался он сам, этот „мамалыжник“ попросту неспособен!»

10

Сойдя на вилковский дебаркадер, Валерия тут же встретила с командиром «Дакии». Отто Литкопф был предупрежден по радиации о приближении важной гостьи и, воспользовавшись тем, что фон Гравс и штандартенфюрер находились на приеме у коменданта города, решил встретить ее лично, с невзрачным букетом каких-то полевых цветов в руке.

– Очень странно вы ведете себя, капитан-лейтенант, – тут же попыталась Валерия ошарашить командира судна своим натиском.

– Вы имеете в виду появление в руке этого букета?

– Я имею в виду то, что, несмотря на некоторую нашу близость, – лукаво сощурила она глазки, напоминая о сексуальных порывах, которые они вместе пытались когда-то гасить в ее каюте, – в любви вы мне так и не объяснились.

Этот выпад баронессы оказался настолько неожиданным, что на какое-то время капитан-лейтенант попросту застыл с приоткрытым ртом.

– Но ведь и так все ясно, – понял намек офицер. – наших общих душевных симпатий было вполне достаточно, чтобы слова оказались излишними.

– И все же не объяснились. Не объяснились, – еще напористее уличала его баронесса, уже сидя в небольшом ресторанчике, расположенном рядом с портом, в котором капитан-лейтенант заказал отдельный столик в импровизированной кабинке.

– В таком случае непонятно, почему ваша реакция на мою сдержанность оказалась столь запоздалой и нервной?

– Тем, что в разговорах с некоторыми офицерами абвера влюбленно уверяете их, будто в моем лице все разведки мира получают агента, который значительно превзойдет саму Мату Хари? Это ж как нужно влюбиться в женщину, чтобы создавать ей столь громкую славу?!

– Ах, вот вы о чем!

– И не только.

– Каюсь, такой разговор состоялся. Правда, мне и в голову не могло прийти, что этот русский кретин Веденин решится выложить вам подробности нашей беседы. Однако не в этом дело. Говорите прямо: вы хотите опротестовать мое сравнение? Вам неприятен образ этой шпионки-танцовщицы?

– Если честно, хочу понять, по каким признакам вы определили, что мне удастся пре-
взойти Мату Хари. Каюсь, до вчерашнего дня мне мало что было известно об этой женщине,
так, в общих чертах...

Литкопф подождал, пока официант наполнит бокалы красным вином местного разлива,
а затем, сдержанно улыбнувшись, произнес:

– Будет проще, если для начала мы поймем, какие линии судьбы и какие черты объеди-
няют вас. Как и Мата Хари, вы сотрудничаете с несколькими разведками мира; как и она, уди-
вительно красивы и бесстрашны; как и она, возвращаетесь исключительно в среде военных. Во
время суда, который приговорил Мату Хари к смертной казни, судья поинтересовался, почему
ее любовниками всегда были офицеры воюющих стран. На что Маргарет Целле, таковым было
настоящее имя Маты Хари, ответила, что штатские мужчины ее вообще никогда не интересо-
вали, поскольку в ее глазах офицер всегда оставался существом высшего порядка, человеком,
способным рисковать в любой ситуации. Поэтому не случайно муж ее тоже был офицером в
чине капитана. Мало того, она прямо заявила судье: «Если я любила, то только военных, в
какой бы армии они ни служили, из какой бы страны ни были».

– Вы сказали, что муж Маргарет служил в чине капитана?

– Вас поражает, что, как и я, грешный, он не вышел чином? Но ведь моя флотская карьера
еще только начинается.

Валерия грустно улыбнулась, вспомнила рослую, плотную фигуру капитана Гродова и,
почти залпом опустошив бокал, рассмеялась:

– При чем здесь вы, господин Литкопф? При чем здесь вы?! Лично вас это никоим обра-
зом не касается. – Баронесса выдержала паузу и, заметив, что очень огорчила этим командира
«Дакии», положила свою руку на его, нервно вздрагивающую.

– Но ведь вас заинтриговало то, что муж Маты Хари был капитаном.

– Смиритесь с тем, что я имела в виду другого капитана. Что же касается вас, то я уверена,
что, прежде чем полностью завладеть состоянием своего папаши, вы обязательно дослужитесь
до адмирала.

– Вы угадали мою мечту.

– И, в отличие от вашего папаши-магната, готова поддерживать вас в этом служебном
рвении. Сам же Карл Литкопф считает вас прожигателем жизни, а вашу службу на яхте – непро-
стительной тратой времени.

– Но ведь вы понимаете, что он не прав.

– Кажется, вы не завершили свой рассказ о все той же Маргарет Целле, она же Мата Хари.
Напомню, что намекали на некое родство наших характеров.

– Когда судья спросил Маргарет, почему она, высокооплачиваемая проститутка, решила
связать свою жизнь с французской разведкой, та ответила: «Я не хотела быть шпионкой, просто
мне нужны были деньги, а на панель я идти уже не могла».

– Слава богу, в отличие от Маты Хари, я еще и на панели способна поработать, если вы
намекаете именно на это.

– Наоборот, хотел подчеркнуть, что, в отличие от Маргарет, вы – аристократка, которая
никогда не опускалась до панели; к тому же вы не падки на деньги.

– И, заметьте, это еще не все мои недостатки, – призывно улыбнулась Валерия. – К тому
моменту, когда меня будут судить как агента всех европейских разведок, их наберется значи-
тельно больше.

– Нет-нет, вас никто не станет судить; к тому же я никоим образом не хотел...

– Уймись, капитан-лейтенант, уймись, – прервала его Валерия. – Мне не нужны ваши
оправдания. Я всего лишь жду той заключительной фразы, ради которой вы разоряетесь в этом
ресторанчике и вообще затеяли весь этот умильный разговор.

Литкопф с минуту нервно барабанил пальцами по столу, и баронессе едва хватило выдержки, чтобы не заставить его прекратить эту «барабанную дробь перед казнью».

– Выходите за меня замуж, баронесса.

– Ну, наконец-то!

– Считаю, что мы составили бы неплохую пару.

– А кто способен усомниться в этом?

– Мой отец поможет вывести вас из-под власти германской, румынской и всех прочих разведок. Мы, Литкопфы, всегда ощущали нехватку титулованной родословной, зато мы уже давно не ощущаем нехватки денег и недвижимости.

– Вот с этого и следовало бы начинать, капитан-лейтенант, а не сравнивать меня с какой-то там, извините, Матой Харой, – умышленно искажила она кличку шпионки-танцовщицы, – или как ее там зовут на самом деле. И мой вам совет: если хотите завоевать меня, да к тому же вместе с моим титулом и моей родословной, старайтесь, капитан-лейтенант, все-таки быть больше капитаном, нежели лейтенантом.

– Мы с отцом предпримем все возможное, дабы уже к началу следующего года я был повышен в чине до капитана третьего ранга. Чтобы в своем высокородном обществе вы, баронесса, не чувствовали себя униженной положением своего супруга.

– Кажется, вы так ничего и не поняли, лейтенант-капитан, – умышленно искажила Валерия его чин. – И уже это наводит на грустные размышления.

11

В течение нескольких последующих дней гарнизон укрепрайона продолжал создавать оборонный пояс вокруг батареи, дополняя его второй линией окопов, щелями и блиндажами. Кроме того, на подходах к первой линии бойцы соорудили два мощных «каменемета» – большие ящики с гравием, под которыми был заложен динамит. Именно они должны были стать неким секретным оружием комендоров в случае прорыва общей линии обороны.

Ни один вражеский корабль к этому времени на рейде одесской гавани не появлялся. Мало того, разведанные флота подтверждали, что румыны вообще перешли на малые каботажные перевозки по мелководью, чтобы не становиться добычей советских субмарин, а в борьбе с флотом противника на этом этапе войны полагались только на авиацию⁸. Но все же, прибыв на батарею, бригадный комиссар Кулаков – тот самый, который в качестве члена Военного совета флота встретил Дунайскую флотилию в Одессе и тут же переправил ее в Днепровский лиман (откуда бронекатера могли совершать рейды и по Южному Бугу, и по Днепру), – вновь приказал провести учебные стрельбы, исходя из угрозы с моря.

Будто почувствовав неуместность своих стараний, комиссар внимательно осмотрел все оборонные позиции в районе командного пункта, капониров тяжелых орудий и батареи «сорокапятков», а затем взобрался на прибрежный холм и какое-то время задумчиво смотрел не на море, а в сторону степи:

– Все-таки предполагаете, капитан береговой службы, что врага придется встречать из глубин материка?

– Это уже даже не предположение, а вполне реальная оценка стратегии врага.

– И как скоро видится эта встреча вам, офицеру, побывавшему на передовой?

⁸ Известно, что в течение двух первых месяцев войны только одной из советских субмарин удалось потопить один большой транспорт неподалеку от румынского порта Констанца. Кстати, эта торпедная атака оказалась на счету субмарины «Щ-211» под командованием капитан-лейтенанта Девятко, которая очутилась в данном районе совершенно по иному поводу, – ее целью была высадка в районе Варны сформированной в СССР группы болгарских подпольщиков и партизан. Остальные субмарины неделями ждали хоть какой-нибудь цели.

– Она состоится в ближайшие дни, – ответил Гродов. – Ни бронетехники, ни авиации, которые способны были бы остановить натиск рейха на южном направлении, у нас пока что нет. С румынскими войсками – да, мы могли бы сражаться, особо не напрягаясь, но с войсками вермахта будет сложнее.

– Смелое предположение, капитан.

– Скорее, отчаянное. Уж теперь-то лгать самим себе смысла нет.

– Раньше тоже не было, а поди ж ты... – проворчал бригадный комиссар. – Оставив флотилию в Николаеве, я проинспектировал все четыре батареи очаковского сектора береговой обороны, которые, как вы знаете, тоже подчиняются командующему Одесской военно-морской базы. Так вот, представляете, на всех батареях бойцы просили зачислить их со стрелковым оружием в морскую пехоту и отправить на передовую. А когда я охлаждал их пыл предположением о том, что так или иначе вскоре они окажутся на передовой, причем не выходя за пределы своих батарей, воспринимали это как шутку. И ни один из комбатов – ни в очаковском, ни в одесском секторах – пока что не готовится к «сухопутным» боям с такой тщательностью, как вы.

– Может быть, потому, что ни одному из них не посчастливилось принимать участие в дунайском рейде и побывать на «румынском плацдарме»?

Бригадный комиссар протер платочком запыхавшиеся на степном ветре «учительские» очки, водрузил их на переносицу и вновь задумчиво всмотрелся в холмистую степную грядку, за которой парил утренней дымкой лиман.

– Не только в штабе флотилии, но и на судах о вас прямо-таки слагают легенды.

– В том-то и дело, что легенды, – отмахнулся Гродов.

– Я тоже так решил бы, если бы не ознакомился с донесениями – вашими и штаба флотилии; да не знал бы общей ситуации, создавшейся на дунайском участке границы. Как политработник скажу: чем больше у нас появится таких легенд, чем скорее они пойдут гулять войсками, тем легче будет воспитывать на их примерах бойцов, особенно молодых, – а чтобы сменить тему, тут же спросил: – Кажется, этот лиман отделен от моря довольно узкой дамбой?

– Не будь она такой длинной, после ухода наших войск ее можно было бы взорвать, чтобы упрочить наши позиции. В любом случае сегодня же ночью ее нужно будет основательно пристрелять. Причем не только условно, по карте, а по-настоящему, боевыми.

– В расчете на то, что на этой дамбе можно будет устраивать ловушки для пехоты противника, – поддержал его замысел бригадный комиссар.

– Грех будет не воспользоваться такой заготовкой.

Когда катер увозил Кулакова от батарейного причала, Гродов обратил внимание на небольшой плот, на котором, стоя под самодельным парусом, орудовал длинным веслом парнишка в выцветшей просоленной тельняшке. Плот, неумело сработанный из небольших, разного размера колод, нескольких досок и трех растрепанных вязанок камыша, неспешно приближался к батарейному пирсу, однако владелец его явно намеревался продолжить плавание.

– Эй, на барже!

– Во-первых, не на барже, а на каравелле! – парировал парнишка.

– Ну, если на каравелле – тогда, конечно... Возникает вопрос, мореход: не боишься, что ветер и течение отнесут твою каравеллу слишком далеко от берега?

– Не видите разве?! Низовой «очаковский» ветер дует, рыбаки еще называют его «прибрежным». При нем до самой Одессы можно дойти, не отдаляясь от берега.

– Да ты, оказывается, знаток местной розы ветров! Но должен был бы знать и то, что здесь, у батарейного причала, посторонним появляться нельзя!

Этот плот вышел из «фьорда», в котором, казалось, еще совсем недавно они с Валерией устраивали себе любовную купель. Могло показаться странным, однако в воспоминаниях последних дней Дмитрий почему-то все чаще обращался не к Валерии, а к женщине, которая

приютила его на том, вражеском, берегу и дом которой на какое-то время дважды становился для него физическим и душевным убежищем.

Баронесса Лозовская так и осталась в его восприятии каким-то авантурным приключением, красивой сказкой о привязанности к женщине, которая слишком хорошо знала цену и себе, и мужским ласкам. Даже после самых интимных, сексуальных сцен у Гродова оставалось ощущение того, что офицер контрразведки Валерия всего лишь выполняет чей-то четкий приказ: «Влюбить в себя этого парня, любой ценой влюбить!» Поэтому все, что между ними происходило, так или иначе порождалось этим приказом.

– Мне можно, – не намерен был тушеваться «мореход» – Я ведь в доску свой, «батарейный».

– Что-то я не слышал о таком «своем». Почему лично не знаком?

– Зато я вас знаю! Вы – командир батареи капитан Гродов.

– Но-но, ты на все побережье не разглашай!

– Что уж тут разглашать?! Это раньше все держалось в тайне, а теперь имя командира батареи любой мальчишка из окрестных сел знает.

– Такие, значит, мы конспираторы... – раздосадованно вздохнул комбат.

Даже переговариваясь с новоявленным мореплавателем, Дмитрий подсознательно продолжал чувствовать, что не прав, что отношения с Валерией складывались у него по какому-то сугубо житейскому замыслу, никакого отношения к замыслу командования контрразведки не имеющему, и тем не менее... Улавливалось что-то слишком уж, до бесстыдства, откровенное в их сближении, и в то же время все свои ласки эта женщина дарила с каким-то холодным, хорошо отрепетированным артистизмом.

«А может, все это – про „артистизм и холодный аристократизм“ – ты придумал только для того, чтобы оправдать свою привязанность к Терезии и окончательно порвать с предательницей? – одернул себя Гродов. – Пора бы уж признаться хотя бы самому себе».

– Женькой меня зовут! – ответил тем временем мальчишка. Знал бы он, какими мыслями занята сейчас голова этого дяденьки в морском командирском кителе! Впрочем, этого ему лучше не знать. – Я – сын мичмана Юраша, который служит под вашим командованием. Старшины батареи Юраша.

– Даже так?!

– Как-то вы видели меня возле казармы гарнизона, просто не придали этому значения. Тем более что вместе со мной было еще несколько мальчишек.

– Но ты хоть понимаешь, что никто не должен знать, где именно служит твой отец?

– Знаю, что никто не должен, однако все давно знают, – скаламбурил Женька, все-таки причаливая к пристани. – Давно хотел проситься к вам юнгой. Мне ведь уже тринадцать!⁹

– Почему же не просился?

– Отец не позволяет. Чуть что – за ремень берется «как за высший аргумент пролетарского воспитания». Это он так говорит. Я только недавно узнал от учительницы, что это такое – «аргумент».

– А что такое «отцовский ремень»?

– Про ремень знал давно, просто думал, что «аргумент» – это его какое-то армейское или флотское название.

– Так, говоришь, «ремень как высший аргумент пролетарского воспитания»? – улыбнулся капитан. – Убедительнее не придумаешь. И потом, это в его, старшины, манере сказано.

⁹ Прототипом этого героя стал тринадцатилетний разведчик 412-й береговой батареи Одесской военно-морской базы Женя Проценко, сын сверхсрочника, старшины огневого взвода батареи Николая Проценко. Женя был зачислен юнгой отделения разведчиков батареи, в котором прославился своей храбростью во время рейдов по ближним тылам врага. После падения батареи вместе с отцом сражался в батальоне морской пехоты под командованием теперь уже бывшего командира батареи.

– Еще отец говорит, что юнги бывают только на кораблях, а на береговых батареях их не бывает.

– Наверное, он прав. Встречать юнг на береговых батареях мне еще не приходилось.

– Почему же тогда на береговой батарее появились мичманы и краснофлотцы?

– Что тебя в этом не устраивает, «плотоводец» ты наш?

– А то, что странно как-то у вас получается: мичманы на батарее быть могут, а юнг не бывает!

Гродов посмотрел вслед катеру, который уже превратился в едва различимую точку на горизонте, и улыбнулся.

– Если тебе, парень, что-либо и передалось от твоего отца-мичмана, так это склонность к философии.

– Так юнгой все-таки зачислите? – взглянул Женька на комбата снизу вверх, озарив при этом свое лицо веснушчатой, беззубой ухмылкой.

– Считаю, что тебе снова не повезло.

– Тогда я сяду здесь, на причале, и буду сидеть, пока не зачислите или пока не умру от голода.

– Видно, отец все-таки редко брался за свой «высший аргумент пролетарского воспитания». Придется участить воспитательные беседы. Если еще хоть раз подойдешь на своей барже к этому причалу, вынужден буду сам взяться за этот самый «высший пролетарский аргумент». У меня это получится убедительнее, нежели у твоего отца. Кстати, как возвращаться будешь в свою гавань? Идти на такой «каравелле» против ветра вряд ли получится.

– Утром отведу. Если под вечер дует «низовой очаковский», значит, утром наверняка подует «верховой куяльницкий», из лимана. Здесь часто так дует. Кстати, ветры знать надо, товарищ капитан. Форма-то на вас морская.

– Ну ты, умник... Лучше скажи, что делать будешь, если прогноз относительно ветра не оправдается?

– Должен. Чайки вон над заливом кружатся. Верная примета. Ну, а если уж совсем ветра не будет, тогда что ж... Тогда утром придется тянуть свою каравеллу на канате. Картинку такую в школьном учебнике видели – «Бурлаки на Волге»?

– Придется тебя и в самом деле в юнги определять. Хотя, с другой стороны, как тебя, капитана каравеллы, да в юнги? Несолидно получается, как считаешь?

– Несолидно получается, что причал у батареи уже давно есть, а не то что катера, а даже шлюпки какой-нибудь захудалой нет.

– Действительно, весь в отца, – покачал головой комбат. – Еще тот фрукт!

Но и на сей раз Женька сумел поразить капитана своей сдержанностью и явно не подростковой рассудительностью:

– Вы бы лучше спросили, что я предлагаю, чтобы на батарее появился свой собственный флот?

– И что же ты предлагаешь? Зачислить твой плот в виде батарейного броненосца?

– На базе рыбартели я видел разбитый штормом баркас. Его нетрудно будет отремонтировать, и тогда у нас появится своя «шхуна». Правда, то ли с парусиной у рыбаков совсем плохо, то ли просто бригадир жадничает, однако ни метра выпросить у него не удастся, это уж точно. А то и парус сразу же установили бы. Я вон свой из двух лоскутов старой парусины сшил, новой так и не выпросил.

12

Неизвестно, чем бы завершился этот разговор двух капитанов, если бы на прибрежном склоне не появился мичман Юраш. Он был явно настроен перехватить юного мореплавателя, пока тот вновь не успел «поднять паруса».

– Что-то плохо воспитательную работу с капитаном каравеллы проводишь, старшина, – шутиливо упрекнул его Гродов, чем явно вызвал недовольство у капитана каравеллы.

– Снова в чем-то провинился? – осуждающе взглянул Юраш на своего «блудного» сына.

– Еще как! Опять его каравелла в запретные территориальные воды зашла. Придется вам все-таки взяться за «высший аргумент пролетарского воспитания».

– Да поздно братья за него, товарищ комбат, – на ходу, запыхавшись, ответил Юраш, поднимаясь на причал.

– Почему же поздно? В самый раз, – все в той же шутиливой манере парировал Гродов, однако, заметив, что волнение мичмана связано вовсе не с появлением здесь сына, запнулся на полуслове и после мимолетной паузы поинтересовался, что случилось.

– Вы разве еще не знаете? Только что пришла телефонограмма из Чабанки. Семьям военнослужащих предписано срочно приготовиться к эвакуации в тыл.

– С чего вдруг такая спешка?

– Вражеские войска заняли Вознесенск, то есть они уже рядом, на Южном Буге, и явно нацелены на выход к морю, – уточнил старшина, опасаясь, что, будучи нездешним, комбат не сразу привяжет название этого города к местности.

– Вот это новость! Ну предполагаю, что с ходу взять Николаев им не позволят. Как и перерезать ведущее к нему шоссе.

– Предполагать можно все что угодно, однако только что стало известно, что отдельные части румын подступили еще ближе, к Березовке. Все идет к тому, что вместе с немцами они хотят блокировать Одессу с суши.

Прежде чем как-то отреагировать на это сообщение, комбат поспешно извлек из планшетки карту. Буквально несколько секунд понадобилось ему, чтобы понять, что после захвата Вознесенска немцы устремятся обоими берегами Буга на юг, к Николаевскому и к Очаковскому портам, к стратегически важному Днепро-бугскому лиману. И что, как только они достигнут своей цели, тут же перекроют не только устья двух судоходных рек, но и зависнут над морскими коммуникациями, связывающими Крым и Кавказ с Одесской военно-морской базой.

– Если Вознесенск в самом деле пал, тогда это уже действительно серьезно, – признал комбат. – Особенно если румыны догадаются перебросить с Дуная на Буг, на железнодорожных платформах, свои бронекатера. Как в свое время мы перебрасывали в Одессу катера Шхерного, прибрежного отряда Балтийского флота, чтобы затем морем перевозить их в район Измаила.

– Почему бы им не догадаться, – пожал плечами Юраш, – если это первое, что тут же пришло вам на ум? А еще о Дунайской флотилии вспомнили, которая, наверное, так и застряла где-то под Херсоном¹⁰, потому как на море с ее катерами не повоюешь.

– Зато в устье Днепра «катерники» теперь будут чувствовать себя как в устье Дуная, тем более что появился опыт реальных боевых действий.

Они задумчиво помолчали, и только во время этой паузы вспомнили о «великом плотоводце», который по-прежнему терпеливо ждал решения своей судьбы.

¹⁰ Судам и подразделениям морской пехоты Дунайской военной флотилии под командованием контр-адмирала Абрамова в самом деле пришлось принять на себя основной удар во время обороны Херсона, после падения которого они сумели выйти в море и перебазироваться на Кавказ.

– А ты, моряк дальнего барахтанья, чего медлишь? – обратился мичман к сыну, и первоначальная суровость его тона неожиданно сменилась сдержанной нежностью. – Бегом в село! На рассвете уезжаешь вместе с матерью. Часа через два, как только управлюсь на батарею, тоже приеду.

– Но я не хочу никуда уезжать! – возмутился Женька. – Я ведь и здесь, на батарее, могу пригодиться, – оглянулся он на встревоженного комбата.

– Не тебе решать, – твердо осадил его мичман. – Мал еще командовать. Отцу возражать тоже не советую, потому как не резон. Сказано тебе: «Марш в село!», – значит, марш.

– Почему сразу «марш»? Мы, вон, с комбатом уже почти договорились, что меня оставляют на батарее, юнгой назначают...

– Что значит «оставляют на батарее»? Что значит «с комбатом договорились»? – задав эти вопросы, мичман взглянул на Гродова так, словно и по отношению к нему в ту же минуту готов был применить свой «высший аргумент пролетарского воспитания».

– Считаю, что ты уже юнга, – решил как можно деликатнее выйти из этой ситуации Гродов, торопливо покидая причал и направляясь к командному пункту.

– Вот видишь! – поспешил возликовать капитан «каравеллы», однако Гродов тут же добавил:

– ...А потому выполняю приказание мичмана Юраша: бегом домой, готовиться к отъезду в тыл, то есть к переходу на заранее подготовленные позиции.

– Есть перейти на заранее подготовленные, – обиженно проворчал Женька и, приблизившись к берегу, взялся за канат, чтобы увести свою «каравеллу» назад, в секретную «гавань». Однако при этом посмотрел на капитана таким осуждающим взглядом, которого тому лучше было бы не ощущать на себе: «Эх ты, а еще комбат! Перед старшиной батареи отстоять не сумел!»

– Да брось ты эти гнилые доски! – потребовал отец. – Не теряй времени.

– Во-первых, это не «доски», а плот. Если его спрятать, чтобы батарею не демаскировал, он еще может пригодиться. Вдруг придется морем уходить из окружения?

– Учитесь, мичман, как нужно о боеспособности батареи заботиться! – рассмеялся комбат. – Молодое поколение наставляет.

– Более заботливого и предусмотрительного разгильдяя, чем этот, придумать, конечно, трудно, – иронично огрызнулся мичман. – Вы ему только слабинку дайте, тут же на голову усядется.

Едва старшина успел проговорить это, как на смотровой площадке у КП появился батарейный писарь, старший краснофлотец Погребной.

– Товарищ капитан, вас к телефону! – прокричал он. – Командир дивизиона майор Кречет на проводе! Что-то очень срочное.

Однако подстегивание уже было лишним, Дмитрий и так поднимался по крутому склону с такой быстротой, словно совершал марш-бросок по пересеченной местности.

13

– Где тебя носит, капитан? – прозвучали в голосе командира дивизиона те же интонации, с которыми мичман Юраш только что пытался отчитывать сына.

– Бригадного комиссара Кулакова на пристани провожал.

– Долгие провода у тебя получаются, и прямо-таки подтрибунальные. К твоему сведению, комиссар уже в Одессе и даже успел доложить контр-адмиралу Жукову, что особых просчетов в подготовке батареи не обнаружено.

– Очевидно, еще со сторожевого катера сообщил, по радио. А главное, что просчетов-то не обнаружено.

– На маневрах мы все молодцами выглядим. Только непонятно, почему от самой границы так задиристо и подтрибунально драпаем. Ну да ладно, не об этом сейчас разговор, – смягчил тон комдив. – О прорыве вражескими войсками нашего фронта ты уже знаешь.

– В общих чертах.

– А тут и «в общих...» – более чем достаточно. Румыны вошли в Котовск и достигли Вознесенска. Карта наверняка перед тобой, взгляни. Из всего увиденного тобой получается, что напролом, со стороны Днестра, на Одессу враг идти не решается, помнит, что именно с запада мы его и поджидали. Поэтому пошел в обход.

– Наверняка учитывает опыт наших дунайских рейдов.

– Еще бы! Все армии мира учатся теперь исключительно на примере «румынского плацдарма капитана Гродова», – неожиданно повело Кречета, благо, что вовремя спохватился: – Да ладно-ладно, шучу, хотя кто знает...

Впрочем, никакого значения его словам Гродов не придал.

– В Аккермане, – ошарашивает он комдива, – прямо на берегу стоит мощнейшая крепость – с башнями, подземельями, опоясывающим рвом.

– Стояла и стоять будет, однако нам с тобой от этого какая радость, если никто эту крепость к обороне не готовил; о зенитно-артиллерийском прикрытии и гарнизоне никто не позаботился? – тут же четко и по существу охлаждает он пыл своего подчиненного. – К тому же она давно в руках противника. Э-э, ты к чему это об Аккерманской крепости заговорил? – вдруг спохватился он. – Хочешь создать под его стенами еще один «румынский плацдарм»?

– Если мы высаживались на болотистый румынский мыс и умудрились продержаться на нем целый месяц; и это – на чужой земле, на вражеской территории... То кто способен помешать нам высадить ночной десант у стен Аккерманской крепости и овладеть ею?

– Но эта крепость расположена далеко от нашего дивизиона. На ином, на западном направлении, и вообще черти где, – Кречет произносил все это негромко, монотонно, тем не менее в голосе его проскальзывали нотки явного раздражения.

– «Румынский плацдарм», помнится, тоже был на ином направлении, – с тем же спокойствием напомнил ему Гродов. – И ничего... Флотилии нашей на Днестровском лимане, правда, нет, однако дальнобойную артиллерийскую поддержку можно осуществлять и с левого берега.

– Это ты уже официально обращаешься ко мне, как к непосредственному командиру? Ты хочешь, чтобы я подтрибунально снял весь гарнизон батарейного укрепрайона и бросил под стены захваченной врагом крепости? Так это, слава богу, не в моей власти. К тому же лично я подобными бредовыми авантюрами вообще, в принципе не увлекаюсь.

– Извините, товарищ майор, всего лишь хотел знать ваше мнение.

– Не ври, Гродов! Подтрибунально не ври! Ты хотел выведать, не стану ли я возражать против того, чтобы тебя снова сняли с командования батареей и назначили во главе какого-нибудь десантного батальона или полка.

– Но теперь-то я понимаю, что возражать вы не станете, – улыбнулся в трубку Гродов.

Идея «крепостного рейда» возникла у комбата еще в то время, когда, возвращаясь с берегов Дуная, он впервые оказался в Аккермане. Водитель попросил тогда полтора часа передышки, чтобы сменить колесо, немного подремонтировать машину и заправить ее. Но и без этой «оказии» капитан третьего ранга Ломов, который был старшим небольшой колонны контрразведки Дунайской флотилии, намеревался показать легендарному коменданту «румынского плацдарма» старинную крепость, возведенную несколько сотен лет назад на берегу широкого лимана. Причем восхищен он был даже не тем, что капитан со своим батальоном сумел почти целый месяц продержаться на плацдарме, созданном на вражеской территории, а тем, как он вел себя на румынском берегу, с какой уверенностью давал «мамалыжникам» понять, кто чего на самом деле стоит.

После возвращения комбата с румынского берега Ломов так и сказал ему:

«Ты первый наглядно объяснил румынешти, кто такие советские моряки и чего стоит морская пехота нашей флотилии. Слух даже пошел, что Антонеску объявил тебя „первым врагом Румынии после Сталина“, да к тому же своим личным врагом».

«Ну это уже явная выдумка. Хотя и почетно», – со снисходительной улыбкой возразил тогда Дмитрий.

«Не спорю, может, и выдумка, но что-то в ней все-таки есть... Я бы даже уточнил, что не просто выдумка, а солдатская молва, причем очень важная для поднятия нашего армейского духа, поскольку зарождалась она на самой что ни на есть передовой, имея на то все основания. Во всяком случае, именно с тебя морских пехотинцев стали называть „черными комиссарами“. Когда-то, еще в Гражданскую, подобное название уже возникало».

И комбат вынужден был признать, что штабист прав. Объективно прав, а не потому, что речь шла лично о нем, Гродове, и его батальоне.

... Ну а крепость... Крепость просто-таки поразила капитана. Мощная четырехбашенная цитадель, три обведенных стенами крепостных двора, широкий ров, подземелье с ходами, уводящими в сторону лимана и к центру города, и конечно же земляные валы, которые, с одной стороны, делали обводную стену непробиваемой, а с другой – служили прекрасным бруствером и для пехоты, и для орудий прямой наводки.

«Одного понять не могу: почему эту крепость не превратили в основу мощного укрепления?! – в который раз поражался комбат, наблюдая за тем, как внутренний двор крепости поспешно оставляет какое-то тыловое подразделение. – Почему эту крепость и старую, сплошь каменную часть города не превратили в оборонный узел с непроходимыми плавнями на флангах и многокилометровым судоходным лиманом в тылу?!» – изумлялся он, по крепостной стене переходя от одного орудийного капонира к другому, от башни к башне.

Однако на все его душевные стенания капитан третьего ранга реагировал предельно сдержанным, лаконичным: «Ты прав, капитан, никакого разумного объяснения это безобразие не имеет», или «Ты прав, комбат: никакой логике – ни штабистской, ни общечеловеческой – все это стратегическое свинство не поддается. Тем более что оборону крепости вполне можно было бы усилить дивизионом бронекатеров».

Да, теперь все это в прошлом, и после драки кулаками не машут. Но именно эти воспоминания порождали в сознании комбата страстное желание возглавить еще один десант, на сей раз – днестровский.

– Почему это ты, комбат, решил, что я не стану возражать против твоего очередного бегства с батареи? – сурово и деловито возвращает его к реальности голос командира артдивизиона. – Сейчас ты здесь нужен, здесь, – буквально прорывал он. – Со всем твоим фронтовым опытом. И фантазии эти свои десантно-диверсионные брось.

– Вот теперь все проясняется, товарищ майор, – вяло реагирует комбат, прекрасно понимая, что не командиру дивизиона решать в данном случае его судьбу, а значит, и судьбу днестровского десанта.

– Кстати, передовые германские части ведут бои на подходе к Кременчугу, а это уже Днепр, так что ситуация критическая, а для нас с тобой – еще и подтрибунальная. Поэтому первое: через несколько минут твой радист примет шифрограмму, с которой ты как командир береговой батареи обязан внимательно ознакомиться, после чего – сразу же уничтожить. Второе. Приказом командующего военно-морской базой, который теперь одновременно является и начальником Одесского гарнизона, семьи всех военнослужащих приказано эвакуировать за Днепр. Исходя из этого, формируется флотская автоколонна, две машины которой к шести утра придут в район Григорьевки. На сборы и посадку – час. Брать только самое необходимое. Сухими пайками, одеялами и охраной семьи будут обеспечены. Маршрут следования и места расселения эвакуированных знает старший колонны. Твое дело – назначить ответственного за эвакуацию, который бы все организовал и за всем проследил.

– Считайте, что уже назначил, – старшину батареи мичмана Юраша. К слову, из его семьи отбывают мать, жена и двое детей.

– Возражений против кандидатуры не имеется. Остальное – в шифрограмме.

14

Комбат тут же вызвал мичмана на КП батареи, объяснил ситуацию и в приказном порядке назначил его ответственным за эвакуацию. Кроме того, он велел ординарцу срочно подбросить старшину на мотоцикле к Григорьевке, а самому Юрашу приказал его семейный велосипед, как и все прочие веломашин, которые имеются в отъезжающих семьях, реквизируют для нужд гарнизона. Поскольку казарма, командный пункт и корректировочные посты батареи расположены были вдали от «огневигов», любой транспорт представлял собой отныне неслыханную ценность.

Ну а в шифровке сообщалось, что командующим Черноморским флотом вице-адмиралом Октябрьским получен приказ Ставки Верховного главнокомандующего: «Одессу оборонять до последней возможности, привлекая Черноморский флот». Исходя из него, штабом флота создан отряд кораблей, предназначенный для участия в обороне Одессы и Очакова, во главе с флагманским крейсером «Коминтерн», куда вошли эсминцы «Шаумян» и «Незаможник», бригада торпедных катеров, дивизионы канонерских лодок и тральщиков, а также подразделения сторожевых и вспомогательных судов. При этом командование отрядом возложено было на контр-адмирала Вдовиченко.

Одобрив факт формирования этой эскадры, нарком ВМФ приказал ее кораблям «поддерживать сухопутные войска артиллерийским огнем до последнего снаряда», а остальные корабли и морскую авиацию штаб черноморцев должен был задействовать в боевых операциях, сообразуясь с обстоятельствами.

Во второй раз Гродов зачитал эту директиву в кают-компании, расположенной в подземном ярусе КП, в присутствии командиров всех подразделений.

– Еще недавно командование и проверяющие ворчали, что мы слабое внимание уделяем морским целям, для борьбы с которыми и предназначена наша береговая батарея. Кое-кого удивляло и даже раздражало то, что мы сосредоточиваемся на сухопутных целях и на подготовке полевых оборонительных сооружений, – сказал комбат, когда чтение было завершено. Он внимательно осмотрел присутствующих, однако они хранили молчание. – Теперь все убедились, что у румын действительно нет таких морских сил, которые способны были бы действовать на наших коммуникациях, а тем более – появляться на рейде Одессы, атаковать ее порт.

– Пока что нас не тревожит даже авиация, – с едва заметным огорчением заметил командир взвода зенитного прикрытия Черенков, в облике которого в самом деле улавливались черты потомка тимуридов, за которые он и прозван был «Монголом».

– Игнорирует, значит, враг твои зенитки, мичман, вот что я тебе скажу, – не упустил своего шанса батарейный балагур и «технический гений» лейтенант Дробин. – А почему игнорирует? Да потому, что на орудия наши тяжелые береговые как на гросс-трофеи рассчитывает, подлый.

– Отставить ненужные разговоры, – остепенил их обоих комбат. – Несколько ближайших учений мы проведем с учетом того, что очень скоро сражаться вынуждены будем в окружении. Поэтому каждое легкое орудие, каждую пулеметную «спарку» окопать, замаскировать, приготовить для него запасную позицию.

Едва он произнес это, как вошел писарь-посыльный Погребной и доложил о звонке из штаба дивизиона. Враг большими силами подступил к городу Березовке. Скорее всего, уже завтра он овладеет им и прорвется к поселку Антоново-Коденцово¹¹.

– Но Березовка – это не просто какой-то там городишко. С захватом его железнодорожной станции сообщение Одессы с Николаевом, Херсоном и Крымом по «железке» будет прервано, – тут же прокомментировал это сообщение Гродов, отпустив посыльного и подойдя к настенной карте. – Точно так же, как оно уже прервано было на северном участке, в районе станции Раздельной. То есть со всей остальной страной уже завтра нас будет связывать только приморское шоссе. Вот это, пролегающее через устья нескольких лиманов и выходящее на единственный в этих краях мост через Южный Буг, у Николаева.

Никто не произнес это вслух, но все подумали о семьях, которые как раз по этой дороге должны будут отправиться завтра в эвакуацию. Вспомнив об этом, Гродов взглянул на часы. Ему легче, он без семьи, но остальным нужно быть сейчас с родными.

– Поскольку от огневого взвода до КП батареи почти полтора километра, а с позициями «сорокапятков» и зениток наш участок обороны растянется с севера на юг до двух километров, для круговой обороны будем готовить две позиции. Одна из них станет охватывать сектор тяжелых орудий, другая – с учетом возможного отступления по кромке берега или морем – в секторе КП и расположенного в двадцати пяти метрах от него, в специальном капони́ре, дальномерного поста. Ясно, что оба сектора будут охватывать позиции легкой и зенитной артиллерии, а связь между ними будет осуществляться по подземному ходу.

– Но ведь впереди нас по фронту будут располагаться пехотные части, – попытался напомнить ему Дробин.

– Можете не сомневаться, что пехотные цепи, которые станут прикрывать нас, окажутся до обидного жиденькими. И продержатся они на линии окружения не более двух-трех дней, затем начнут отходить, приближая линию фронта к нашим позициям.

– Откуда уверенность, что все будет выглядеть именно так?

– Психология отступающей армии. Всем кажется, что остановить врага можно только на большом водном рубеже, и все панически боятся окружения. Только поэтому все основные воинские силы постараются как можно скорее переправиться на левый берег Буга, дабы не оказаться в окружении.

– Если так, в общих чертах, то похоже на правду.

– Здесь же, вместе с нами, останутся только части Приморской армии, которой приказано защищать город. Только этой армии – и все. Если не считать кораблей прикрытия, естественно.

– Именно так и уведомили нас из штаба базы? – нервно поинтересовался Лиханов.

– Так подсказывает элементарная тактика ведения войны в подобных условиях. Нечто подобное я уже наблюдал в районе Измаила.

– Мы действительно должны полагаться на опыт командира, – заметил комиссар батареи Лукаш. – В конце концов он единственный из нас, кто уже знает, что такое на самом деле война.

– Спасибо за понимание, политрук. А теперь слушайте приказ: определение границ этих секторов и создание оборонных линий возлагаю на старшего лейтенанта Лиханова и командира взвода охраны младшего лейтенанта Кириллова. Но предметнее об этом поговорим завтра. Сейчас все свободны. Те, кто будет прощаться с семьями, обязаны явиться на батарею к восьми утра.

Решив, что все поспешили наверх, чтобы как можно быстрее добраться до поселка, Гродов подошел к стене, на которой висели: кусок рыбацкой сети, копия картины Айвазовского с

¹¹ Ныне это поселок городского типа Коминтерново, райцентр одного из приморских районов Одесской области, граничащий с Николаевской областью (Украина).

изображением растерзанного бурей парусника и сувенирный штурвал. А на тумбочке замерла старая позеленевшая рында.

Из всех подземных помещений это было единственным, которому его, комбата, предшественники пытались придать некое подобие настоящего морского кубрика. Рядом находился его командирский отсек, одна каменная вырубка которого служила спальней, а другая – подземным командным пунктом, но только теперь он вспомнил, что, как и его предшественники, ровным счетом ничего не сделал, чтобы хоть как-то облагородить свое обиталище.

Впрочем, думать сейчас нужно было не об этом. Он в самом деле все осмысленнее увлекся идеей десанта в район Аккерманской крепости. Капитан вновь и вновь возвращался в своих воспоминаниях к тому, что запомнилось ему во время посещения этой древней твердыни. Он настолько был возмущен нежеланием или неспособностью военного командования превратить старинную цитадель в неприступный опорный пункт, что при виде того, как некая тыловая часть, квартировавшая в крепости, готовится к переброске на восточный берег лимана, настроен был хвататься за пистолет.

Комбата буквально потрясло, что ни командование этой части, ни другие бойцы об обороне мощной крепости даже не помышляли. Не меньше поражало и то, что, хотя Днестровский лиман представлял собой настоящее степное море, ни одного военного судна на нем не обнаруживалось. А ведь, в который раз обращался комбат к своему военному замыслу, благодаря этой крепости с ее подземельями и подземными ходами всю старую часть города, а то и значительную часть западного побережья действительно можно было превратить в мощный укрепайон, усилив его бронекатерами и мониторами, то есть плавающими батареями Дунайской флотилии.

– Товарищ капитан, – ворвался в его мечтательные размышления голос политрука Лукаша как раз в момент, когда комбат вцепился взглядом в ту точку на карте, где располагался Аккерман. – Моя жена просит разрешения остаться в Григорьевке. У нее на руках трехлетняя дочь и четырехмесячный сын – куда с ними? Страшно подумать, как трудно ей будет в дороге и на новом месте.

Только теперь Гродов резко повернулся лицом к политруку и, поиграв желваками, сурово спросил.

– И вы склонны оставить ее, политрук?

– Лучше уж здесь, чем непонятно где...

– А сотням других жен, которые уезжают сейчас из города, будет легче? У них детей нет? Вы ведь не просто женщину с двумя детьми пытаетесь оставить в прифронтовом селе, политрук. Вы пытаетесь сдать сигуранце или гестапо жену и детей политрука, комиссара батареи. И это уже не пропагандистская демагогия, а жесточайшая реальность военной жизни. Да, обиженные советской властью и просто местные предатели способны растерзать родных политрука еще до того, как за них возьмутся агенты сигуранцы. Вы что, комиссар, неспособны понять этого?

Лукаш удивленно смотрел на Гродова, и на его лице постепенно вырисовывался страх, круто замешанный на отчаянии.

– Да я-то способен... – едва слышно пролепетал он, пораженный тем, как жестко отреагировал комбат на его слова. А ведь он рассчитывал хотя бы на сочувствие. – Но жена – ни в какую, просит оставить здесь.

– В военное время семьи военнослужащих обязаны подчиняться всем приказам командования, которые касаются их. Уж кому-кому, а жене политрука надо бы знать это. Вам все ясно, товарищ комиссар?

– Так точно, – вяло ответил политрук.

– Тогда кругом, и чтобы впредь я даже не догадывался о вашем намерении не подчиниться приказу командующего военно-морской базой или командира дивизиона. Не говоря уже о моем личном приказе, – буквально просверлил он взглядом Лукаша. – Кстати, в подоб-

ных случаях всегда советую помнить слова командира дивизиона: «Там, где люди военные, любое разгильдяйство – подтрибунально». Все! Выполнять! – И, не дожидаясь, пока политрук выйдет, вновь повернулся к карте.

15

Вглядываясь в географические очертания Днестровского лимана, этого степного моря, Гродов неожиданно вспомнил, как у подвернувшегося под руку начальника местного гарнизона, тоже готовившегося к «броску через Днестр», поинтересовался, почему крепость совершенно не подготовлена к обороне, почему там нет гарнизона и на базе крепости не создан узел обороны.

Только потому, что спутник Гродова, майор Ломов, представился как офицер контрразведки, а самого капитана он назвал своим коллегой, полковник снисходительно объяснил:

– А какой смысл создавать этот самый «узел»? Как только враг войдет в город, гарнизон крепости окажется окруженным и оторванным от остальных войск.

– Не окруженным, а блокированным с суши, – как можно тактичнее уточнил Гродов, не желая накалять отношения, – поскольку остается связь по лиману, которую можно осуществлять с помощью бронекатеров, имея их огневую и моральную поддержку, а также артиллерийскую поддержку с восточного берега.

У полковника явно не было ни времени, ни желания вступать с Гродовым в диспут, тем не менее он все с той же снисходительностью наставника объяснял этому, словно бы с луны свалившемуся капитану, что стратегически увязать на этом берегу бессмысленно. Куда проще и безболезненнее укрепиться на восточном берегу, имея перед собой водный рубеж шириной в три-четыре километра в ширину и до двадцати километров по фронту.

– Вот только укрепляться там, в голой, выжженной степи, будет негде, – с досадой в голосе возразил Дмитрий. – И лиман этот, при всей своей огромности, нас не спасет, поскольку форсировать его немцы с румынами не станут, а прорвут линию обороны где-нибудь севернее, чтобы затем нацелить свои дивизии на юг, стремясь блокировать оборону восточного берега лимана и как можно быстрее обойти Одессу. При этом предварительно вспашут всю приднестровскую степь снарядами и бомбами.

– Да не продержался бы здесь этот гарнизон и двух дней, – проворчал полковник. – Или вы считаете, что в тактическом отношении грамотнее всех прочих командиров?

– Вы о десанте моряков Дунайской флотилии на румынский берег в районе мыса Сату-Ноу что-либо слышали, товарищ полковник? – вдруг решительно вмешался Ломов.

– Слышал, конечно, – пожал комендант уже несуществующего гарнизона худыми, по-стариковски сутулыми плечами.

– Так вот, командовал этим десантом он, – артистично указал капитан третьего ранга раскрытой ладонью на стоявшего рядом комбата. – Именно он, капитан Гродов, он же – комендант «румынского плацдарма». И держался капитан со своим батальоном на плацдарме в течение почти четырех недель, пока не поступил приказ оставить его. Несмотря на все попытки румын сбросить морских пехотинцев со своей территории.

– К слову, ничего подобного мощным стенам вашей крепости там не было, – уточнил Дмитрий. – На болотистой равнине держались, на чужой земле силами всего двух батальонов – моих десантников и подоспевших к нам на помощь стрелков. А размеры добытого нами плацдарма вам, полагаю, были известны.

На удивление полковник воспринял натиск контрразведчиков довольно взвешенно. Выслушав доклад какого-то старшины о том, что тыловое хозяйство к эвакуации готово, комендант города с тоской осмотрел гарнизонный двор, посреди которого они стояли, метнул взгляд

в ту сторону, где в просвете между зданиями виднелась одна из башен крепости... И, уже вслед заторопившимся морякам, бросил:

– Вообще-то, может, вы и правы, капитан. Да только подобные инициативы и решения порождаются не в кабинете коменданта города.

– Порой они порождаются прямо в окопах или на батареях, как у капитана Бонапарта при осаде Тулона¹². Другое дело, что в большинстве случаев мы не решаемся порождать их.

– Кстати, – победно добивал коменданта города Ломов, – идея «румынского десанта» на мыс Сату-Ноу действительно возникла в окопах. Уже на второй или третий день войны.

– Не знаю, возможно, ваши морские пехотинцы и в самом деле способны творить некие фронтовые чудеса, но вынужден огорчить – ни одного из тех, кому положено щеголять в тельняшках, под моим командованием нет. Увы, обделен. В крепости вы были, тыловики наших видели, так что какие тут могут быть прожекты?

– Не беда. Если мне дадут в подчинение этих тыловики, я там же в течение недели, причем прямо на территории крепости, превращу их в настоящих морских пехотинцев. Да таких, что даже в тельняшки переодеть их будет не стыдно.

Полковник недоверчиво взглянул вначале на Гродова, затем на капитана третьего ранга Ломова и решительно повел подбородком:

– Неужели вы согласились бы держать оборону в крепости с этими тыловиками?

– Согласился бы.

– И сумели бы поднатаскать их? Это ведь не моряки.

– Многие из тех, кто сражался со мной на мысе Сату-Ноу и числился морским пехотинцем, даже моря толком не видели, но старались, подтягивались до настоящих краснофлотцев. Во всяком случае, ни один из них тельняшки не осрамил, не зря нас называли «черными комиссарами».

– Значит, остался бы даже с этими тыловиками, с «бесхозниками», как их тут у нас именуют? – вновь задумчиво взглянул комендант гарнизона в просвет между зданиями, в котором просматривался голубовато-белесый клинышек речного лимана. И в глазах его мелькнул какой-то озорной огонек, словно полковник неожиданно поддался на его авантюру и действительно решился оставить своих «бесхозников» в крепости, в подчинении невесть откуда заявившегося безумца-капитана.

– Сколько их у вас там?

– Если по численности – чуть больше роты.

– Маловато. Несколько суток я мог бы продержаться и с этой ротой, но для настоящей обороны такого объекта нужен хотя бы полк.

– Вот с этого все и начинается, – проворчал комендант гарнизона.

– Но там действительно нужен полноценный стрелковый полк, – как бы оправдываясь, подтвердил комбат, словно этот полковник без полка в самом деле способен чем-либо реально помочь ему. – К тому же при наличии гаубичной батареи и батареи «сорокапятки», а также хоть какого-то зенитного прикрытия и прикрытия со стороны лимана – с огневой поддержкой корабельных орудий.

Огонек в глазах полковника тут же угас, однако на сей раз уже он взглянул на Гродова с таким укором, словно тот развеял его самые смелые, авантурные планы.

– Теперь ты понимаешь, капитан, что не с тем полковником завел весь этот разговор о гарнизоне крепости, а тем более об обороне этой цитадели...

– Теперь понимаю, – попытался комбат вложить в свои слова какой-то особый смысл.

¹² Речь идет о плане штурма оккупированного англичанами Тулона, разработанного капитаном Бонапартом в декабре 1793 года. Как известно, после победы под Тулоном революционное правительство произвело капитана Наполеона Бонапарта в генералы.

– И мой тебе совет: не старайся искать на войне скорой смерти, она сама найдет тебя. Причем не исключено, что очень скоро.

...Впрочем, все это воспоминания, из плена которых вырваться нужно было как можно скорее. Но тем не менее...

16

...Войдя в командный пункт, комбат тут же попросил дежурного связать его с полковником Бекетовым. Заслышав голос капитана, начальник контрразведки военно-морской базы сразу же оживился:

– Легко на помине, комбат.

– Очень хотели видеть меня?

– Да хотя бы слышать. И не только я. Тут на тебя бывший комендант города Аккермана недавно жаловался. Выяснял, служит ли по моему ведомству такой офицер и действительно ли брал штурмом румынский берег. А еще рассказывал, как ты его распекал за сдачу крепости, доказывая, что никогда уже ему, коменданту, не стать аккерманским Бонапартом.

– Он теперь ждет, когда ему предоставят для сдачи Очаков с руинами местной крепости?

– Да в общем-то он неплохой мужик. Службу, как оказалось, тоже начинал в Питере. Жаловался полусуто, при нашем случайном знакомстве, – Бекетов выдержал мимолетную паузу и тут же поинтересовался: – Там что, в самом деле какая-то мощная твердыня?

– С несколькими башнями, толстенными стенами, большой цитаделью и всевозможными подземельями...

– Вот как?! Жаль, не пришлось ознакомиться. Крепости и укрепленные замки – моя давнишняя слабость. Не знал об этом?

– Не представилось случая поговорить на эту тему. Собственно, по поводу крепости я как раз и тревожу вас.

– Не терпится отчитать еще и румынского коменданта города, что слишком легко и бездарно захватил Аккерманскую крепость? – не отказал себе в удовольствии язвительно поинтересоваться Бекетов.

– А что, гениальная мысль. Из-за отсутствия связи переписку придется вести с помощью почтовых голубей.

– Но я так понял, что тебе самому не терпится объявить себя комендантом этой крепости.

– Хоть сейчас готов высадиться десантом у ее подножия.

– Но тебе нужен приказ, нужны бойцы и техника, а значит, нужна моя поддержка.

– Подобный разговор у меня уже состоялся с командиром дивизиона Кречетом.

– И он был категорически против. Поэтому ты решил искать покровительства у добряка-полковника Бекетова.

Гродов виновато покряхтел. Главное, подумалось ему, чтобы «добряк-полковник» с ходу не объявил свое решительное «нет». Он, конечно, плохо представлял себе, каким образом Бекетов способен добиться разрешения на этот десант – слишком уж неопределенная и сумбурная ситуация сейчас в армейских и флотских штабах. Но ведь в первые дни войны было не легче. Но, казалось бы, совершенно безумная идея десантирования на румынский берег Дуная воплощение свое все-таки нашла.

– Батарея к боям в основном подготовлена, так что пулять снарядами здесь и без меня будут. А если бы высадить под Аккерманскую крепость ночной десант да через проломы в стенах ворваться туда и занять оборону в самой крепости и в нескольких домах поблизости. Затем бросить еще один десант в устье лимана, чтобы обеспечить проход катеров из моря через Цареградский пролив. Тогда, при поддержке бронекатеров... Как минимум полк румын уложили бы, еще два полка и столько же арtdивизионов держали бы под стенами города.

Бекетов молча выслушал его, тягостно вздохнул и несколько мгновений рассудительно сопел в трубку. Если бы начальник контрразведки не знал, что совершенно недавно этот офицер значился комендантом «румынского плацдарма», он воспринял бы его план аккерманского десанта как легкомысленную браваду. Но ведь Черный Комиссар Гродов со своими парнями не только сумел создать плацдарм на территории другого государства, но и почти в течение месяца отстаивал его. И если бы в высоких штабах нашлась некая буйная голова, он углубился бы в румынскую территорию не на пять, а на пятьдесят километров.

Да, этот парень явно искал смерти, но разве не в этом поиске состоит суть воинской храбрости? И не в том ли заключается высшая стратегия войны, чтобы позволять таким вот удалцам как можно дороже продавать свои буйные головы?

– Представляю себе, как румынские и германские газеты пестрели бы заголовками: «Черный Комиссар вновь создал плацдарм, на сей раз – в районе Аккерманской крепости». «Сумеет ли Черный Комиссар со своими морскими пехотинцами повторить подвиг гарнизона „румынского плацдарма“». Словом, в таком духе.

– Значит, вы согласны?

– Ни с чем я не согласен, не нужно держать меня за городского сумасшедшего. План отвергаю, комбат, причем начисто.

– Вот так, с ходу, подстреливая «на взлете»? Неужели под влиянием паникерских доводов «аккерманского полковника»?

– Наоборот, ввиду исключительной гениальности твоего замысла.

– Может, все-таки подумаем над ним вместе? Вызовите, посидим над картой, посоветуемся с командующим военно-морской базой.

– Не хватало только, чтобы мы еще и втягивали в эту губительную авантюру контр-адмирала Жукова.

– Не выходить же мне через его голову на командующего флотом.

– Ты что, капитан, не расслышал того, что тебе было сказано? Нет сейчас сил для этих твоих десантов и плацдармов. Ни у военно-морской базы, ни у сухопутных штабов сил таких, в штыках и технике, попросту нет. Да и флотилия Дунайская готовится к боям уже где-то на Днестре, а посему к рейду твоему аккерманскому явно не готова. Скоро нас самих запрут в городе так, что на батарею к тебе придется с боем, десантами пробиваться.

– И вот так – всегда! А какие были замыслы! – удрученно, хотя и не без иронии, отреагировал Гродов. – Кстати, когда буквально на второй день я предложил немедленно высадить мой батальон на румынский берег, первая реакция в штабе флотилии была приблизительно такой же. Возражали все, вплоть до контр-адмирала.

– Хотелось бы видеть, как все это происходило.

– Но, к счастью, вас в этом штабе не было, а то бы уж точно «румынский плацдарм» не появился.

– Неблагодарный ты человек, Гродов, – незло, скорее устало прокомментировал полковник.

В их разговор вклинился кто-то из вошедших в кабинет Бекетова офицеров. Прикрыв ладонью трубку, полковник с минуту отдавал какие-то распоряжения и кого-то распекал за нерасторопность.

– Словом, понимаю, Гродов, – совершенно неожиданно вернулся начальник контрразведки к их беседе как раз в те мгновения, когда комбату казалось, что тот попросту повесит трубку на рычаг, решив, что сейчас ему не до бредней зарвавшегося командира батареи, – ты уже видел себя комендантом Аккерманской крепости, спасителем города и все такое прочее...

– Не в этом дело. Просто пытаюсь мыслить стратегически, как учили...

– Все нормальные люди сейчас «стратегически мыслят» только о том, как бы скорее перебраться куда-нибудь за Днепр или здесь, в городе, каким-то чудом устоять; и только тебе по-

прежнему хочется быть поближе к Дунаю. Но согласен: ведешь себя в это сложное время по-нашему, по-солдатски, вполне достойно.

– По-иному просто не получается.

– Ты вот что, Гродов... Как только мы все-таки упремся в землю всеми артиллерийскими станинами, остановим врага и погоним его назад к Днестру, обязательно напomini о плане своего «аккерманского рейда». Нет, в самом деле, я говорю это серьезно.

– Знать бы, когда наконец упремся, но чтобы так, все до единого. Поэтому лично я готов упираться уже сегодня: хоть здесь, на батарее, а хоть под стенами аккерманской цитадели.

Бекетов не ответил, и комбат решил, что разговор завершен, причем полковник, возможно, даже слегка обиделся. Однако в самое последнее мгновение Дмитрий вдруг услышал его спокойный, как всегда, пропитанный легкой иронией голос:

– Но, чтобы совсем уж не разочаровывать тебя, присылаю подкрепление, которое ты вполне можешь использовать в своей разведке. Это хорошо известный тебе мичман Мищенко, который во времена подготовки дунайского отряда был старшим группы инструкторов-проводников. Не возражаешь?

– Какое может быть возражение?! Этот парень прошел через «румынский плацдарм» – и этим все сказано. Причем как прошел!..

– Ну а при нем получаешь еще нескольких, самым Мищенко отобранных, морских пехотинцев – сержантов Жодина и Терехова, ефрейтора Малюту, краснофлотца Погодина, еще троих, уж не припомню их имен, которые в свое время прошли курсы полковой разведки и тоже испытаны твоим плацдармом.

Зато Гродов прекрасно помнил своих бойцов, особенно тех, которые проявили себя в штурмовом взводе первого десанта, а потом несколько раз ходили в разведку и с мыса Сату-Ноу, и от Пардины. Как помнил и то, что на последнем этапе обороны плацдарма эти же бойцы отличились еще и в роли снайперов, а также в ипостаси метателей гранат в созданном им отделении гренадеров.

– Что-то ты умолк, капитан? Считаешь, что мичман Мищенко не тех подобрал? Если уж по правде, то все, кто воевал с тобой на Сату-Ноу, просятся теперь к тебе на батарею. Почему-то... Но ведь ты понимаешь, что передать тебе всех я не могу, да и не положено батарее иметь целый полк охранного прикрытия.

– К названным вами бойцам вопросов нет. Просто я подумал, что подкрепление от контрразведки могло бы выглядеть чуточку щедрее.

– «Подкрепление от контрразведки»! Редкий же ты наглец, Гродов! Я понимаю, что ты рассчитывал на весь свой десантный батальон. Однако на него тут все рассчитывают. Да, вынужден признать: более сорока бойцов обратились к командованию военно-морской базы с просьбой о переводе их на службу под твоим командованием. Даже старший лейтенант Щедров, известный тебе адъютант командующего Дунайской флотилией Абрамова, и тот неожиданно выразил желание поступить под твое начало, чем потешил меня и, считаю, смертельно обидел своего адмирала.

– Но вы объяснили, что адъютанты мне пока что не положены, а в ординарцы его не запишешь?

– Так ведь Щедров уверен, что в капитанах ты долго не засидишься. А в принципе он готов идти к тебе хоть командиром охранного взвода. Словом, видят бог и командиры, что я пытаюсь поддержать просьбу все желающих.

– И кто же выступил против? Командующий базой контр-адмирал Жуков?

– Не в именах дело, Гродов, не в именах! Просто нам доходчиво объяснили, что ты все еще командуешь батареей, а не артиллерийским полком. Поэтому служить большинство из них кроме Щедрова, который пока что назначен адъютантом-порученцем командующего нашей

военно-морской базой, отправили в срочно формирующийся отряд морской пехоты полковника Осипова¹³.

– Вот как? Значит, уже создан такой отряд?

– Ох, вижу, не сидится тебе в батарейных казематах, капитан. Одним могу утешить: не исключено, что и сражаться этот полк будет в твоём секторе обороны.

– Меня же радует, что остальные бойцы моего «румынского плацдарма» тоже беспризорными не остались.

– А чего ты хочешь? В Одессе теперь каждый командир мечтает заполучить хотя бы нескольких обстрелянных бойцов.

– Пусть своих необстрелянных как можно скорее обстреливают. Когда я высаживался на мыс Сату-Ноу, у меня не было ни одного обстрелянного солдата. Ни одного!

– Отныне так и буду напутствовать их, ссылаясь на тебя, естественно: «Своих обстреливать надо!» А пока что принимай завтра утром то пополнение, какое дают, и тихо радуйся.

17

По Очаковскому руслу штабная яхта «Дакия» вышла в открытое море, выждала у входа в Жебрияновскую бухту возвращения звена пикирующих бомбардировщиков, которые уходили на разведку фарватера, и теперь неспешно, в прогулочном режиме продвигалась вдоль косы, отделявшей Джантшейское озеро от моря.

За одноликой песчаной перемычкой виднелась узкая, коричневатая от обилия морских водорослей полоска воды, за которой медленно проплывали выжженные на августовском солнце прибрежные холмы и поблескивали солончаковой изморозью низины.

Война, казалось, совершенно не коснулась этого края, во всяком случае, следы ее никак не проявлялись в этой степной равнине. Впрочем, с какой бы жестокостью фронт ни прошёлся бы по этой полупустыне, он уже ничего не добавил бы к видениям тех одиноких рыбацких хижин и столь же одиноких, почти лишенных какой-либо листвы деревьев, которые производили впечатление последних, причем слишком уж неприветливых, убогих атрибутов жизни.

– Сейчас мы проходим по условному стыку озер Джантшейское и Малый Сасык, – с дикцией, достойной профессионального гида, объявил по внутрикорабельной связи штурман яхты. – Тем временем наши тральщики уже находятся на траверзе большого озера Шаганы, которое могло бы стать прекрасной гаванью, если бы, вспоров косу, к нему проложили корабельный ход.

– Какие унылые места! – проговорил штандартенфюрер фон Кренц, не обращая внимания на его слова. Остановившись на палубе рядом с бригадефюрером фон Гравсом, он теперь лениво прощупывал окулярами бинокля прибрежные глинисто-песчаные дюны. – После заливных дунайских лугов, окаймленных бесчисленным количеством островков, эти выжженные побережья кажутся пейзажами забытой богом пустыни, на которой попросту не должно проявляться каких-либо признаков жизни.

– Зато близость земной тверди вселяет спасительные надежды, – простодушно сознался фон Гравс, не пытаясь изображать из себя морского волка.

– Слава богу, в этих степях пока еще нет партизан, как в Югославии. – Штандартенфюрер хотел сказать еще что-то, однако с идущего далеко впереди тральщика донеслись пулеметные очереди, вслед за которыми последовал мощный взрыв.

¹³ Со временем этот отряд перерос в 1-й полк морской пехоты полковника Осипова, который благодаря своему бесстрашию и напористости, приобрел особую популярность среди защитников Одессы.

Офицеры тут же вновь схватились за бинокли, но поняли, что это всего лишь мина, которую тральщики общими усилиями уничтожили почти у самого берега, на подходах к перемычке озера Шаганы.

– Как видите, отсутствие партизан компенсируется в этих краях наличием минных полей и заграждений, – сдержанно прокомментировала происходящее обер-лейтенант Валерия фон Лозицки, неслышно появившись за спинами эсэсовцев.

– Нас не может не поражать ваше спокойствие, баронесса, – парировал штандартенфюрер.

– Не вы один поражаетесь этому.

– Неужто сумели убедить себя, что ваши, русские, мины никакой опасности для вас не представляют? – с особым нажимом произнес он слово «вашим».

– Впрочем, – не придавала значения ни словам, ни тону его Валерия, – в провинциальном Тирасполе, возведенном румынами в ранг столицы Транснистрии, ваша тоска по партизанским краям Югославии может быть удовлетворена иными способами и со всей мыслимой очевидностью.

– Вы, как всегда, приземленно возвышенны, – аристократично склонил голову фон Кренц. – Впрочем, нас предупреждали, что, несмотря на минную чистку, подходы к Днестровскому лиману по-прежнему остаются опасными, поскольку некоторые мины течение приносит из низовий реки. Да и в открытом море, как мы только что убедились, их тоже немало.

Валерии не дано было понять всю смысловую глубину определения «приземленно возвышенная», да она и не пыталась вникать в него. К тому же в эти минуты ей хотелось общаться с бригадефюрером, а не с фон Кренцем. С шефом «СД-Валахии» баронессу как раз и роднило то, что она старалась оставаться вне войны, вообще вне всего того, что происходило в эти дни в Союзе, в рейхе или в несостоявшейся Великой Румынии. Зато она безошибочно прочитывала плотоядные взгляды мужчин, которыми они прошли по охваченным юбкой и форменным френчем бедрам женщины – крутым, контрастно очерченным и, как всегда, призывно-сексуальным...

Но если у штандартенфюрера этот взгляд выглядел истосковавшимся по бранным телесам, то фон Гравс осматривал ее ягодички приблизительно так же, как смотрит на свое удачное приобретение владелец породистой и немислимо дорогой кобылицы. Та с трудом скрываемая неприязнь, с которой бригадефюрер встретил ее возвращение на яхту после берлинского вояжа, постепенно развеивалась. Даже появление рядом с ней командира яхты теперь уже не вызывало у него раздражения. Как не тревожили больше бригадефюрера и те слухи, которые в свое время доходили до него в связи со встречами баронессы с нефтепромышленником Карлом Литкопфом и адмиралом Канарисом.

После своего прибытия на яхту в порту Вилково баронесса уже подарила ему две жгучие ночи, и теперь он вел себя как самодовольный самец, обладающий той, кем неспособен обладать ни один из его соперников. Как же мало нужно этим напыщенным орангутангам, чтобы они чувствовали себе на вершине власти, а значит, и блаженства!

– Кстати, я намекала бригадефюреру, что предпочтительнее было бы подниматься сейчас по Дунаю к стенам Вены, нежели устремляться к стенам некоего Тирасполя, этой новоявленной столицы Транснистрии, – апеллировала она к штандартенфюреру.

– Если это позволительно называть «намеками», – благодушно уточнил фон Гравс.

Кроме всего прочего, генерал СС был доволен тем, что из своей каюты баронесса выходила теперь только в мундире, принятом у женщин – офицеров абвера, поскольку ему казалось, что только в этом одеянии в сугубо мужской корабельной среде она способна оставаться по-службистски холодной и неприступной. Другое дело, что к его ночному визиту, – барон наносил его с немислимой немецкой пунктуальностью: появляясь ровно в двадцать три ноль-ноль, чтобы ровно через час, минута в минуту, уйти, – она должна была представлять в коротеньком

халатике, недавно подаренном торгпредом японского посольства в Констанце. К тому же не пользоваться никакими духами и кремами, вообще никакой косметикой.

– И все же вам лучше признать мою правоту, бригадефюрер.

– Заверяю вас, баронесса, что очень скоро ваша мечта осуществится, – сдержанно произнес фон Гравс. – Кстати, вам приходилось бывать в этом городишке?

– ...В этом, как нам его описали, – уточнил штандартенфюрер, – пыльном, грязном, буквально наводненном местечковым еврейством и цыганами городишке?..

– Вынуждена вас огорчить: в Тирасполе бывать не приходилось, однако знаю, что такими же красками можно обрисовать любой городишко в этих южных краях. Поэтому не удивлюсь, когда окажется, что их новая столица выглядит столь же ужасно, как и их старая «Румынская Венеция». Иное дело – Одесса, которой со временем и суждено стать настоящей столицей Транснистрии, а возможно, и всего румынского королевства.

– Не слишком ли вы обожествляете этот город? Не боитесь, что ваше восторженное упорство лишь усилит наше общее разочарование его «достопримечательностями»?

– Не боюсь, – мечтательно запрокинула голову Валерия. – Не знаю, правда, как я со временем восприму этот город, а главное, как он воспримет меня, но...

– Так, может, мы идем не тем курсом, обер-лейтенант? – мрачновато ухмыльнулся фон Гравс. – Прикажете идти прямо в Одессу?

– Напрасно иронизируете, барон.

– Даже так? Интересно...

– Если бы наша яхта вошла в Одесский порт и вы вступили бы в переговоры с комендантом или начальником гарнизона города о его сдаче... Уверяю, место в истории этой войны вам уже было бы обеспечено, причем на все века.

– Независимо от того, как эти переговоры происходили бы и насколько плачевной оказалась бы судьба каждого из нас? – удивленно уставился на нее фон Гравс.

– Уверяю вас: независимо.

– Рвение, достойное мировосприятия камикадзе, – мрачновато проворчал он.

– Просто наши дальнейшие судьбы лишь мешали бы романтизации этого исключительного в военной практике случая парламентарской наглости.

18

Услышав слова баронессы о том, что их дальнейшая жизнь лишь мешала бы «романтизации дипломатической наглости», исходя из которой следовало взять курс прямо на Одессу, фон Гравс и штандартенфюрер многозначительно переглянулись. Так ничего и не произнеся, бригадефюрер жестом пригласил обоих за стол, закрепленный на палубе, под ослепительно белым тентом, на котором яхтенный стюард и адъютант бригадефюрера Гольдах расставляли блюда с бутербродами и бокалы для красного румынского вина.

– Лично я свой боевой Железный крест хотел бы получить при жизни, а не посмертно, – обронил наконец штандартенфюрер, почувствовав, что фон Гравс то ли в самом деле задумался над предложением баронессы, то ли попросту не в состоянии был собраться с мыслями. – А вот вас, обер-лейтенант Лозовская, за организацию этого перехода НКВД наверняка представило бы к ордену Ленина.

Бригадефюрер недовольно передернул подбородком и с осуждением взглянул на фон Кренца. Холеное, всегда невозмутимое лицо его неожиданно побагровело. До сих пор никто не смел хоть в какой-либо форме, не то что выражать недоверие баронессе, а хотя бы всеуспокоивать ее о службе в советской контрразведке. Все понимали, что даже самая бледная тень подозрения, павшая на эту представительницу древнего аристократического клана, неминуемо

ложились бы тенью на репутацию самого начальника управления СД в Румынии. Прекрасно знал об этом и штандартенфюрер фон Кренц. Тогда в чем дело?

– Возможно, и представили бы. Правда, предварительно повесив «за измену Родине» на центральной площади города, – холодно процедила Валерия, – причем исключительно для острастки всем прочим отщепенцам-аристократам. В Совдепии подобные меры практикуются уже давно.

– И все же признайтесь: мысли тайно вернуться в Одессу, чтобы возглавить там диверсионную группу, не возникало?

Баронесса выжидающе посмотрела на своего покровителя и, заметив пунцовые пятна по обе стороны от переносицы, верный признак яростного недовольства бригадефюрера, спокойно повела бокалом у рта, наслаждаясь его букетом.

– Вы давно должны были уяснить для себя, господин фон Кренц, что куда больше меня занимает сейчас мысль совершенно открыто, публично вернуться в свой родовой замок в предгорьях Алып.

Однако резкость ее тона никак не повлияла на ход мыслей штандартенфюрера.

– Буквально перед выходом яхты из Вилкова со мной связался начальник измаильского городского отдела сигуранцы, – словно бы не замечал он недовольства не только баронессы, но и своего шефа. – Этот подполковник основательно допросил оставленного для подпольно-диверсионной работы русского чекиста, молдаванина по национальности, и выяснил любопытную подробность. Оказывается, слух о том, что Черного Комиссара, то есть хорошо известного вам капитана Гродова, бывшего коменданта «румынского плацдарма» русских, оставили в Измаиле во главе диверсионной группы, пока что не подтверждается.

– Черного Комиссара – во главе диверсионной группы в Измаиле?! – не желала скрывать своей иронии Валерия. – Кто мог распустил подобный бред в виде правдивого слуха?

– Выявлять источники подобных слухов, вообще какой-либо народной молвы бесполезно.

– В данном случае их следует искать среди агентуры русской контрразведки, которая подобным образом порождает явную дезинформацию.

– Считаете, что ему не доверили бы руководство городским подпольем?

– Для диверсанта такого масштаба, как Гродов, это было бы слишком примитивно. Возглавить диверсионную группу в Кишиневе или в самом Бухаресте – вполне допускаю. Но, скорее всего, пока что он командует гарнизоном своего артиллерийского комплекса, расположенного к востоку от Одессы. Что, замечу, для него тоже не размах.

– Однако подробность, выуженная у диверсанта-чекиста, заключается не в этом, – осенил штандартенфюрер свое прыщеватое, с налетом синюшности лицо иезуитской улыбкой. – Оказывается, после того как Черный Комиссар отпустил взятого в плен румынского капитана Олтяну вместе с десятком его солдат, энкавэдисты всерьез заподозрили коменданта плацдарма в измене.

– Гродова?! В предательстве?! – беспечно рассмеялась баронесса, но тут же умолкла, вспомнив, скольких негнбимых революционеров и командиров Гражданской было расстреляно коммунистами и в связи с более мелкими проступками.

– И даже порывались арестовать капитана прямо на румынском берегу. Спасло его от расправы только заступничество кого-то из чинов флотской контрразведки и командующего Дунайской военной флотилией. Кстати, инициатором ареста оказался шеф задержанного в Измаиле подпольщика-диверсанта, но рвение это стоило ему должности в НКВД и отправки на фронт.

Валерия вновь отпила вина и задумчиво посмотрела куда-то в морскую даль, в которой на самом горизонте начало проявляться нечто похожее на корабельную надстройку. Пилоты

штурмовиков-юнкеров, очевидно, тоже заметили судно, потому что две машины из трех тут же устремились к нему, чтобы если не потопить, то хотя бы заставить сменить курс.

– Жаль, что я не знала об этой угрозе для Черного Комиссара, когда наша «Дакия» находилась в Сулинском гирле и до плацдарма морских пехотинцев было рукой подать.

– Судя по всему, капитан и сам не знал этого, а, возможно, не знает и до сих пор. Ведь операция по его захвату готовилась тайно. Боялись, как бы не оказал сопротивления или не перешел на сторону румын.

– Тем более, – мечтательно произнесла баронесса, которая все еще не теряла надежды когда-нибудь вернуть себе этого мужчину. И мысленно добавила: «Я пришла в этот мир не для того, чтобы подстраиваться под его каноны, а чтобы благоустраивать его по своим собственным».

Она пока что смутно представляла, когда и каким образом это в принципе может произойти, но все еще надеялась. И в грезах своих даже видела капитана в своем родовом Альпийском замке. При этом связь с бригадефюрером фон Гравсом в расчет не принималась. Валерия принадлежала к той породе женщин, которые давно вынесли связи с мужчинами за рамки высокой чувственности и всего того, что способно именоваться моралью и любовью.

Раз и навсегда возведя секс в ранг естественной физиологической надобности, а также в средство «общения» с мужчинами и воздействия на них, баронесса точно так же раз и навсегда избавила себя от каких-либо нравственных стенаний. Все эти романтические бредни по поводу таких истинно женских моральных фетишей, как целомудренное воздержание, поиски страждущего рыцаря, сотворение мантии верности и сентиментальная преданность цветочным ухаживаниям для нее уже попросту не существовали. Даже к своему кавалергардскому красавцу Гродову она относилась теперь не как к любовному избраннику, а точно так же, как всякая породистая самка относится к выбору самца.

Она и в самом деле явилась в этот мир не для того, чтобы подстраиваться под его каноны, а чтобы подстраивать его под свое собственное видение и свои собственные амбиции.

– Господин бригадефюрер, есть связь со штабом дивизиона бронекатеров, базирующихся в Аккермане, – доложил адъютант. – Его командир, капитан второго ранга, уведомил, что дивизион поднят по тревоге для встречи «Дакийского конвоя», как называют караван в шифрограммах, исходя из названия нашей яхты. Три бронекатера, на борту одного из которых находится лоцман, направляются к проливу, соединяющему лиман с морем.

– «Дакийский конвой»? Прекрасное название.

– Я бы даже сказал: изысканное.

– Вот именно. – В штабе «СД-Валахии» ни для кого не было секретом пристрастие их шефа к изысканным агентурным кличкам и к не менее изысканным названиям всевозможных операций и акций, порой самых пустяшных. Вот и сейчас он буквально упивался историческим налетом названия своего небольшого отряда из кораблей и пикирующих бомбардировщиков. Это же надо: «Дакийский конвой»! – Велите радисту выяснить, кто первым запустил в эфир это название, – приказал фон Гравс адъютанту. – Бутылка французского шампанского ему из моих личных запасов.

19

В течение какого-то времени они сидели за столом, наслаждались букетом красного вина и морскими видами. Штурман объявил, что конвой достиг Будакского лимана, однако никакого интереса у штабистов это не вызвало: так или иначе пейзаж этой жаждущей земли, как и ее соленых водоемов, оставался неизменным. С куда большим интересом наблюдали они за проявлявшимися по правому борту очертаниями какой-то полузатонувшей, уткнувшейся носом в донный ил баржи, рядом с которой игрались дельфины. Время от времени взмывая

ввысь, а затем ныряя у самых бортов судна, эти огромные рыбы давали понять: в трюмах все еще остается нечто такое, что привлекает их внимание.

– Вы заметили, господин бригадефюрер, что в этой части море, по существу, пустынно? – нарушил штандартенфюрер затянувшееся молчание. – Явно сказывается отсутствие у румын сколько-нибудь серьезного флота. И, если бы не германская авиация, русские вообще безраздельно господствовали бы на этих пространствах.

– Да уж, Румынии надо было заполучить отчаянно рискованного главнокомандующего, чтобы начинать с коммунистической империей «Священную войну за национальное воссоединение»¹⁴, имея в наличии всего одну, да и то устаревшую, субмарину, – согласился фон Гравс, закуривая сигару.

Появление на палубе штурмбаннфюрера Вольке всегда означало только одно: он получил новые сведения из абвера или румынской военной разведки. И теперешнее его появление исключением не стало:

– Только что поступило сообщение, что разведывательно-диверсионная группа капитана Штефана Олтяну приступила к операции совместно с бойцами разведроты 15-й румынской пехотной дивизии. Ее цель – захватить подземный артиллерийский комплекс к востоку от Одессы. Речь идет о 400-й береговой батарее, о которой я вам уже докладывал, то есть об одном из наиболее секретных объектов русских на нашем театре фронта.

– Вы окажете мне большую услугу, когда сообщите, что батарея захвачена и ее новый командир, капитан Олтяну, развернул стволы в сторону города. Вы поняли меня: сообщите, что как бывший артиллерийский офицер он развернул орудия в сторону города.

– Как только это произойдет, господин бригадефюрер... – сдержанно ответил начальник штаба, уже намереваясь снова исчезнуть в чреве судна. Но как раз в эту минуту Валерия фон Лозицки пришла в себя и резко остановила его:

– Позвольте, штурмбаннфюрер! Вы только что докладывали о попытке захвата некоей береговой батареи, расположенной восточнее Одессы?

– О начале операции, баронесса, – охотно отозвался Вольке, не очень довольный тем, что бригадефюрер не высказал желания знать подробности этой операции.

– Тогда конкретнее об этой операции...

– Знаю только, что группа намерена приблизиться к артиллерийским подземельям, используя местные катакомбы, с помощью которых она пройдет под линией фронта и возникнет буквально в двухстах метрах от казематов батареи.

– Причем не исключено, что эти казематы связаны с катакомбами тайными, хорошо замаскированными подземными ходами, – молвила Валерия.

– Даже так?

– Во всяком случае, молва утверждает, что подземные казармы и все прочее из этого артиллерийского комплекса расположено на глубине более тридцати метров и что один из ходов, ведущих в сторону города, проложен под Большим Аджалыкским лиманом. Правда, лично мне это представляется совершенно невероятным.

– Не стану спорить о степени вероятности, но известно, что группа капитана Олтяну, которая намерена какое-то время действовать, базируясь в катакомбах, как раз и рассчитывает обнаружить один из таких ходов. Тем более что у капитана появился надежный проводник из бывших шахтеров-камнерезов.

– Мне довелось побывать в катакомбах. При наличии большого запаса продовольствия и фонарей эта группа может базироваться там достаточно долгое время.

¹⁴ Войну против Советского Союза румынская пропаганда именвала не иначе как «Священной войной за национальное воссоединение», имея в виду возврат в лоно королевства как минимум всей Бессарабии и Северной Буковины. Хотя на самом деле аппетиты румынского командования выходили далеко за географические пределы этих «исконно румынских» земель.

– Странно, баронесса, что вы по-прежнему предпочитаете вникать в такие тонкости армейских диверсионных операций, – изобразил на своем лице ангельское удивление фон Кренц. – С какой стати?

– Да мне плевать было бы на тонкости подобных операций, – неожиданно резкоотреагировала фон Лозицки, – если бы командовал этой береговой батареей кто-либо иной, кроме все того же капитана Гродова, больше известного теперь под псевдонимом Черный Комиссар. А к этому русскому офицеру, уж извините, господа, у меня свой, особый интерес.

Бригадефюрер и фон Кренц сначала устали на обер-лейтенанта, затем друг на друга и, наконец, обратили свои взоры на начальника штаба.

– Почему же вы не сообщили нам, штурмбаннфюрер, что командует этой батареей Черный Комиссар? – спросил шеф «СД-Валахии».

– Совершенно упустил из вида, господин бригадефюрер. Не придавал значения.

Фон Гравс тут же приказал адъютанту принести карту. Расстелив ее на столе, бригадефюрер обратился к баронессе:

– Ну-ка, сориентируйте меня на местности, обер-лейтенант, а также сообщите все, что вам известно об этом секретном подземном комплексе. Вам удалось побывать в нем?

– Это было невозможно, поскольку объект действительно очень секретный, да я и не получала такого задания ни от абвера, ни от сигуранцы. – Во взгляде, которым баронесса окатила при этом штандартенфюрера, ясно прочитывалось: «Долго ты еще намерен по-идиотски подозревать меня в том, в чем подозревать бессмысленно?!»

– Тем не менее с Черным Комиссаром вы были знакомы очень близко, – не упустил своего шанса фон Кренц. – Такое задание – сблизиться с командиром артиллерийского комплекса – вы получали?

– Кажется, эту страницу биографии баронессы мы уже расшифровывали, – пробормотал фон Гравс, однако пресечь любопытство куратора сигуранцы от СД даже не попытался.

Впрочем, самолюбие баронессы вопрос фон Кренца не задел. Создалось впечатление, что она даже признательна была этому офицеру СД за его дотошность, поскольку сама давно стремилась прояснить кое-какие нюансы этих событий.

– Как это ни парадоксально, я познакомилась с ним по приказу флотской контрразведки. Русской, естественно. Им нужно было выяснить, что собой представляет этот обычный офицер береговой артиллерии, насколько он готов к перевоплощению в контрразведчика?

– И каков же был вывод? – поинтересовался штандартенфюрер, отпивая очередную порцию вина.

– В постели он был безупречен, если вас интересует именно это, фон Кренц.

– Фундаментальный вывод.

– Во всем остальном – тоже... безупречен. И к этому выводу я пришла не только потому, что увлеклась этим мужчиной, а потому, что этот человек действительно рожден для солдатской службы, для войны. Вот только происходило все это до назначения его командиром артиллерийского комплекса под Одессой, а значит, и задолго до того, как в румынской прессе капитана Гродова стали именовать Черным Комиссаром.

– Но вы продолжили знакомство с ним... – не терял своей настойчивости штандартенфюрер.

– Нет, побывать в артиллерийских казематах мне так и не довелось, однако же никто и не ставил передо мной этой задачи. Зато успела побывать рядом с огневыми позициями батареи, а главное, познакомиться с полковником Бекетовым, возглавляющим теперь контрразведку одесской военно-морской базы.

– Такие проникновения и такие знакомства, наверное, не могли не заинтриговать шефа абвера адмирала Канариса, – вроде бы и не спросил, а как бы поделился своими умозаключениями фон Гравс.

– Адмирал оказался одним из самых заинтересованных моих слушателей, – заверила его Валерия. – Он даже всерьез рассматривал идею моего скорейшего возвращения в Россию, в это военное зазеркалье.

– Вот как?! У него появились конкретные планы?

– Если таковые и существовали, то в конце концов адмирал отказался от них. Во всяком случае, до того времени, как мы овладеем Одессой, поскольку кое-какие планы относительно меня у шефа абвера все же остались. Кстати, господин бригадефюрер... Завтра мы уже будем в Тирасполе, а послезавтра можем вылететь на фронт под Одессу. Советую связаться с румынским командованием и предложить не начинать операцию в районе артиллерийского комплекса до тех пор, пока вы или штандартенфюрер СС фон Кренц не появитесь в тех краях. Само собой разумеется, что я готова сопровождать любого из вас.

– Уж не собираетесь ли вы решать за меня?.. – сурово начал был пыжиться фон Кренц, однако резким, нетерпеливым жестом бригадефюрер заставил его умолкнуть.

– Если уж намечается столь важная операция, – вкрадчиво, но с каким-то налетом безразличия продолжала Валерия, – то почему бы вам, барон фон Гравс, не взять ее под свой контроль, под свое личное командование? Таким образом вы побываете непосредственно на передовой и проведете крупную диверсионную операцию. Согласитесь, после этого вам будет о чем докладывать в Берлин. Да и в главном управлении имперской безопасности этот ваш рейд на передовую будет воспринят с пониманием.

Бригадефюрер выжидающе посмотрел на фон Кренца, давая, таким образом, понять, что заниматься операцией придется ему, а значит, за ним и последнее слово.

– При всей авантюристичности своего способа мышления баронесса, пожалуй, права, – признал штандартенфюрер. – Если уж в этой диверсионной операции будет задействован капитан Олтяну, которого мы считаем своим приобретением, то стоит ли просто так, бессмысленно, отдавать его в руки румынской армейской разведки?

– Предложение принимается. Немедленно связывайтесь с румынским командованием и от моего имени просите перенести начало операции.

– Но учтите, обер-лейтенант, – обратился штандартенфюрер к Валерии, уже поднявшись из-за стола, – что вам действительно будет предложено ехать в эти фронтовые скифские степи вместе со мной. Слово свое нужно держать.

– Если только позволят обстоятельства, – загадочно улыбнулась в ответ баронесса.

20

«Дакийский конвой» во главе со штабной яхтой «Дакия» прошел по фарватеру Цареградского гирла уже под вечер. Вся коса, отделявшая лиман от моря и служившая когда-то местом паломничества курортников, теперь представляла в виде цепочки руин и пожарищ, почти над каждым из которых стаи ворон кружились вперемешку со стаями чаек. На всем пространстве – от Каролино-Бугаза до Затоки и дальше, до окаймленного плавневым ожерельем Шабо – огромный черно-белый птичий вихрь.

Причем Валерия обратила внимание, что сейчас эти шумливые создания летали молча, напоминая вдовый хоровод, случайно смешавшийся со свадебным шествием.

Отведя взгляд от ближайшей стаи, Валерия, сидевшая прямо у борта, машинально опустила взгляд и, закричав от ужаса, подхватила. Инстинктивно нащупывая кобуру, мужчины тоже бросились к борту и оцепенели: огромный плот из вздувшихся тел, разнолико одетых – одни в мундирах с портупьями, другие полураздетые, а то и совсем в нижнем белье. Река словно бы ритуально очищалась от этих пасынков войны, «вымывая» их из своих глубин в море.

– Теперь вы, господа, понимаете, – проговорила Валерия, отойдя от борта и с огромным трудом справляясь с тошнотой, – почему я больше всего мечтаю порой даже не об Альпийском замке, а хотя бы о маленькой альпийской хижине?

– И это говорит офицер, который всего несколько часов назад замыслил фронтовую авантюру в районе секретного артиллерийского комплекса русских! – иронично напомнил бригадефюреру фон Кренц.

– Скорее это все-таки... говорит женщина, – деликатно заступился за нее фон Гравс.

– Но каким-то образом умудрившаяся очаровать разведки всех воюющих стран Европы. Кстати, сколько их на вашем счету, баронесса?

Бригадефюрер в последний раз взглянул на плот из тел и, чувствуя, что больше не в состоянии сдерживать тошноту, поспешно направился к ведущему вниз трапу. Подождав, пока он спустится вниз, Валерия окатила фон Кренца томным взглядом уличной красавицы:

– Вы всегда нравились мне как мужчина, господин штандартенфюрер. Однако признаюсь: настолько надоели мне своими подозрениями, что когда-нибудь в порыве страсти я попросту пристрелю вас.

– Мне понятны ваши чувства, баронесса. Но замечу, что никогда не пытался разоблачать вас. Впрочем, сами вы тоже это заметили.

– ... Уже хотя бы потому не разоблачали, что разоблачать-то меня бессмысленно. Поэтому объясните, что вы в таком случае «пытались» узнать все это время?

Штандартенфюрер еще с минуту упорно продолжал рассматривать речной исход сотен и сотен утопленников, сквозь которых яхта пробивалась с таким трудом, словно оказалась затиснутой в арктических льдах, затем вернулся к столу и сел так, чтобы видеть перед собой только капитанский мостик. Валерия уже собиралась спуститься к себе в каюту, но в последнее мгновение остановила себя: этот разговор нужно было довести до логического завершения.

– Вообще-то я предпочитаю шотландский виски или коньяк «Наполеон», а все те вина, которыми вы меня потчуете, я пью, отдавая дань вкусам бригадефюрера.

Фон Кренц наполнил бокалы, проследил за тем, как баронесса почти залпом осушила свой, и тоже сделал несколько глотков.

– Так что же вы все-таки «пытались», штандартенфюрер? Кстати, вы пока еще не на допросе в гестапо, так что не старайтесь увиливать от ответов на очень простые логические вопросы.

– Понять, кому вы служите на самом деле. Понять прежде всего для себя.

– Единственное, в чем я хочу признаться вам, что мечтаю о дне, когда мне никому не нужно будет служить, когда в моих скромных услугах уже ни одна разведка мира нуждаться не будет. О тех временах, когда я смогу просиживать вечерами у камина с клубком пряжи на коленях, а ночи проводить на плече любимого мужчины. Убедительно?

– Никогда не поверю в искренность ваших слов, баронесса. Вы не того склада характера, Валерия Лозовская, чтобы мыслить подобными категориями и предаваться подобным мечтаньям.

– Не пытайтесь казаться самому себе знатоком моего характера, Вольфганг, – впервые за все время знакомства назвала его баронесса по имени. – И на мою благосклонность, – проговорила она приглушенным голосом и как бы сквозь сцепленные зубы, – тоже не рассчитывайте. По крайней мере на борту «Дакии».

– Я считал, что вам известно мое жесткое правило: никогда не заводить романы с женщинами из близкого мне круга. Тем более что в постели я не терплю аристократок, предпочитаю литые тела молодых румынских крестьянок.

– А кто вам сказал, что в постели я предстаю аристократкой? – все тем же сквозь зубы процеженным тоном попыталась обидеться баронесса. – Впрочем, мы не о том сейчас говорим, особенно пред неуспокоенными душами сотен покойников.

– Вам когда-нибудь предлагали работать на английскую разведку?

Вопрос был задан настолько неожиданно и таким будничным тоном, что Валерия споткнулась о него, как об одно из оказавшихся под ногами заборных тел.

– Ваши вопросы становятся все более странными. Не находите, штурмбаннфюрер?

– Теперь уже я вынужден предупредить, что вы пока еще не в гестапо, поэтому самое время поговорить откровенно.

– Внешне вы мало похожи на англичанина, но еще меньше, но тоже внешне, похожи на сотрудника Сикрет интеллидженс сервис. К тому же вам хорошо известно, что отныне я пребываю в личном подчинении самого адмирала Канариса.

– «Самого Канариса»? Когда-нибудь вы узнаете об этом человеке столько всего и всякого, что это взорвет все представления о нем.

– Пока что в моем сознании взрывается представление о вас, штандартенфюрер.

– Поэтому-то нашу с вами дружбу будем зарождать с того, что вы самым подробным образом поведаете мне, где и как происходила встреча с шефом абвера, о чем вы с ним говорили. При этом вы ничем не рискуете, поскольку доверяетесь офицеру СД. Сразу же предупреждаю, что ни в каких отчетах и докладах по линии СД или гестапо наши беседы воспроизводиться не будут. И еще одно замечание: в искренность ваших отношений с советской разведкой я не верю, независимо от того, насколько глубинно они заякорили вас в своей флотской контрразведке. Так или иначе, а в коммунистической Совдепии у вас, истинной аристократки крови, никаких перспектив не возникало.

Они встретились взглядами и на несколько мгновений замерли, словно бы пытались отрешиться от брэнности слов, чтобы выведать тайные помыслы друг друга. Баронесса поняла, что «дружбы» со штандартенфюрером, наверняка подстраховавшимся связями с английской разведкой, ей теперь не избежать. Но в то же время твердо сказала себе, что никогда не раскроет то главное, что привлекало в ее нынешнем положении шефа абвера, – что она оказалась в штабе «СД-Валахия», где ему очень не доставало своего, надежного человека, благодаря которому адмирал мог бы знать обо всем, что происходит по линии СД в Румынии и на юге России.

Солнце уже начало садиться, когда яхта причалила к полуразрушенному причалу Аккермана, расположенному буквально в двух десятках метров от стен старинной крепости. Начальник местного отделения гестапо, которое начало обживать в этом городе буквально с первых дней его освобождения от русских, лично провел экскурсию по крепости. Хотя здесь уже хозяйничала какая-то румынская тыловая часть, превратившаяся в крепостной гарнизон. Ее повозки и распряженные лошади, которые паслись на земляных валах, насыпанных у внешних стен, лишь дополняли исторический облик этой твердыни.

– Странно, – задумчиво молвила Валерия, когда они поднялись на ту часть стены, что подступала к мощной, четырьмя башнями окаймленной крепостной цитадели.

– Что вам показалось странным в этой замшелой обители рыцарства, баронесса? – поинтересовался бригадефюрер, с видом знатока фортификации осматривавший в это время капонир, представавший в виде полубашни с орудийными бойницами.

– Что Черный Комиссар не сумел убедить командование превратить эту крепость и усадьбы окрестных толстостенных особняков в очередной плацдарм. Не думаю, что эта крепость, еще недавно пребывавшая в качестве пограничной, не вызвала у него потребности создать здесь укрепленный район, поддерживаемый дивизионом бронекатеров.

– Я обратил внимание, насколько внимательно вы изучали отчет румынской разведки о боях в районе дунайского плацдарма, которым командовал этот капитан. Жаль, что вам не удалось переманить его на нашу сторону; что вы с ним оказались, как это принято говорить у русских?... – пощелкал он пальцами.

– ...По разные стороны баррикад, – по-русски подсказала ему Валерия, зная, что бригадефюрер в какой-то степени владеет этим языком.

– Вот-вот, – тоже перешел он на русский. – Но уже завтра вам представится возможность предпринять еще одну попытку переманить Черного Комиссара на свою сторону. Прежде чем покинуть яхту, я связался с местным армейским командованием. Оно обещало предоставить вам и штабсартенфюреру транспортный самолет, который доставит вас в район, близкий к расположению артиллерийского комплекса Черного Комиссара. К моменту завершения операции я уже буду ждать вас на «Дакии» в одном из речных затонов неподалеку от Тирасполя.

21

Полночь Гродов встречал на причале. С наступлением темноты артиллерийская пальба, то тут, то там спонтанно разгоравшаяся в верховьях лиманов, наконец окончательно утихла, и взошедшая луна явила теплому морю и прогретому в течение жаркого августовского дня степному берегу холодное сияние далекого, безразличного ко всему земному светила.

Уже поздним вечером капитан успел совершить свой ежедневный традиционный заплыв в сторону Золотого Камня, как местные рыбаки называли вершину подводной скалы, возвышавшуюся метрах в двухстах к юго-западу от батарейной пристани, и теперь дремал, сидя на рыбацкой скамье, которую только недавно смастерили здесь бойцы хозвзвода. Даже при лунном свете скала вспыхивала мириадами кварцевых вкраплений, а в утренние часы ее окаймленная желтовато-красным песчаником вершина и впрямь представляла в облике неудачно сотворенной и как бы набекрень напыленной короной.

Привалившись к спинке «рыбацкого трона», капитан мечтательно смотрел на скалу, пытаясь погасить нахлынувшие воспоминания о «румынском рейде». Вот уже которую ночь подряд он засыпал и просыпался, тревожно вопрошая себя: почему не слышно ни взрывов, ни стрельбы?

Там, на плацдарме, он успел свыкнуться с мыслью, что всякое затишье таит в себе неизвестность, а значит, опасность; что всякая тишина, неожиданно наступившая после стрельбы, как правило, взрывается вражеской атакой. Именно поэтому во время обстрела его, как коменданта плацдарма, нервы всегда были напряжены меньше, нежели во время тишины, которая в прямом смысле этого слова для любого из бойцов гарнизона могла превратиться в «гробовую».

– Товарищ капитан, – донеслось до слуха Дмитрия, когда, в полудреме, он уходил в один из своих «плацдармных» снов. Это тревожно кричал дежурный по КП. – Из огневого взвода сообщают! Только что туда доставили вражеского лазутчика.

– Возле нашей батареи – и вдруг лазутчик?! – окончательно страхнул с себя дремоту Дмитрий. – Может, кого-то из местных задержали?

– Да нет, самого настоящего лазутчика. Даже успел сознаться. По телефону вам все сообщат.

– Если даже успел... В таком случае ночь пройдет не зря.

Как оказалось, на связи был командир взвода охраны Кириллов. Запинаясь от волнения и почти захлебываясь словами, Гимназист, как по-прежнему называли его в батарее, рассказывал о поимке вражеского разведчика как о совершенно невероятном приключении.

Выяснилось, что один его глазастый боец, выставленный в дозор в районе бывшей платформы несуществующего теперь железнодорожно-строительного полустанка, поздно вечером заметил, как из ближайшего оврага вынырнуло и, наверное, заметив дозорного, снова исчезло нечто, похожее на согбенную человеческую фигуру. Впрочем, это могло быть и какое-то животное, например, один из стаи волков, которую видели на днях неподалеку от Григорьевки и которая, очевидно, прибилась в эту приморскую степь, убегая от надвигающейся на нее линии фронта.

Пока боец трусовато соображал, стоит ли ему приближаться одному к этому оврагу, с шоссе на полевую дорогу съехал мотоцикл. К счастью, за рулем его сидел сержант Жодин, а

пассажирские места занимали политрук и мичман Юраш. Как оказалось, машины с родными они отправили в сторону Николаева, не дожидаясь рассвета, – слишком уж водителям не хотелось оказаться утром на степной дороге мишенями для вражеских пилотов – и теперь возвращались на батарею.

Жодин порывался метнуть в овраг гранату, чтобы успокоить врага по-фронтовому, однако политрук резко воспротивился:

– Раз он уже здесь, надо брать живым. Когда еще такой «язык» подвернется?

– Брать – так брать, – согласился сержант и тут же ползком направился к ближайшему холмику, от которого до оврага уже было рукой подать. – Эй, румынешти, или кто ты там?! Предлагаю баш на баш: ты без боя сдаешься, а я без жадности угощаю тебя папироской!

Поняв, что он обнаружен и окружен в своем небольшом овраге, переодетый в красноармейскую форму диверсант поначалу попытался отстреливаться. Причем первая же пуля опасно вспахала вершину холмика, за которым залег Жодин.

– Вот видишь, дураша, – прокомментировал этот его выстрел сержант, – ты не только пулю зря потратил, но и права на «покурить» лишился! И вообще, с пистолетиком от нас не отстреляешься! Так что поговорим по душам?

Лазутчик не ответил, но после трех последующих выстрелов отчаяния крикнул, что готов сдаться.¹⁵

Доставлять его на батарею Лукаш благоразумно не решился: чем черт не шутит? Поэтому, пока Жодин ездил за комбатом, он устроил румынскому разведчику допрос в восточной караулке, в которую была переоборудована старая чабанская сторожка. Поначалу пленный представлял слишком неразговорчивым, но, как только верзила Жодин хорошенько встряхнул его и пригрозил устроить «суд инквизиции», тут же разоткровенничался.

Как бы там ни было, а к моменту прибытия капитана политрук уже знал, что рядовой Боцу оказался одним из тех молдаван, кого румыны мобилизовали в свое войско в сороковом году, перед самым уходом из Молдавии. А поскольку вырос он в селе, в котором большинство жителей были русскими или украинцами, и по-русски говорил почти без акцента, то его наспех подготовили на каких-то курсах и определили в армейскую разведку. После выполнения этого задания ему обещали чин капрала.

– Значит, договариваемся так, – сурово произнес Гродов по-молдавски, появляясь в тускло освещенной электрической лампочкой караулке. Капитан был еще выше ростом и коренастее, нежели Жодин, поэтому явление этого великана произвело на тщедушного лазутчика просто-таки ошеломляющее впечатление. Судя по всему, он очень боялся, что его и в самом деле примутся жестоко избивать. – Ты говоришь, где скрываются остальные члены вашей разведывательно-диверсионной группы, а я отсылаю тебя в город как обычного пленного.

– Или тут же расстреляете, – едва слышно пробормотал разведчик.

– ... А может, даже и как перебежчика. Ведь мог же ты, молдаванин, а не румын добровольно перейти к нам, поскольку мобилизовали тебя, человека, не являющегося королевским подданным, в румынскую армию насильственно?

– Если честно, я даже прикидывал: а не перейти ли к вам?

– Вот видишь: мысль все-таки была. И только в ней, да в правдивости твоей – спасение, поскольку шпионов у нас, по обыкновению, вешают. Расстрел еще нужно заслужить.

Боцу оценил, что морской офицер этот заговорил с ним хотя и сурово, но по-молдавски, и вполне уважительно. И то, что он предлагал, было путем к спасению. А тут еще Жодин вовремя возмутился:

¹⁵ Реальный факт. Румынское командование действительно пыталось засылать в расположение созданного на основе береговой батареи укрепрайона переодетых в красноармейскую форму разведчиков и диверсантов, но эти попытки потерпели провал.

– Да с какого бодуна вы уговаривать его стали, товарищ капитан?! Отдайте его мне, и через десять минут он у меня архангелом запоет.

– Ну что ты за зверь такой?! Тебе бы только почему зря человека калечить! – артистично возмутился Гродов. – Зачем ломать ребра пленному, если он и так готов рассказать обо всем, что знает? Итак, еще раз спрашиваю, рядовой Боцу: где скрывается твоя группа?

– Думаете, он был не один? – вполголоса усомнился Лукаш, которому и в голову не приходило, что перед ним не обычный армейский лазутчик, которого отправили, чтобы он разведал, где расположена батарея, а шпион.

Но вместо ответа Гродов взглянул на политрука с такой укоризной, что тот предпочел в дальнейшем в допрос не вмешиваться. Капитан уселся за стол, предложил стул пленному и со всей возможной жесткостью произнес:

– Не слышу ответа, солдат. Где остальные четверо диверсантов твоей группы? Правдивый ответ – и, как я сказал, ты уже даже не пленный, а молдаванин-перебежчик, да к тому же насильственно мобилизованный румынами.

– Меня послали одного.

– Одного тебя послали только для того, чтобы ты разведал, как охраняется наша батарея. Но в тыл тебя заслали в составе группы. Если я сейчас же не получу правдивого ответа, то уйду, но эти трое извергов, подобных которым свет не видывал, – решительным жестом указал на своих бойцов, – до самого утра будут отрабатывать на тебе приемы рукопашного боя, не задавая при этом ни единого вопроса. Ты понимаешь меня: ни единого вопроса? – все так же артистично взорвался Гродов. – Изверги – они и есть изверги.

– Но ведь я готов... – начал было разведчик, однако Дмитрий все так же резко прервал его:

– Да этим костоломам плевать на то, о чем ты там будешь блять. Это для меня важно, чтобы ты все-таки заговорил, а для них важно, чтобы ты умолк, причем навеки. А тот мешок с костями, который от тебя останется, я передам контрразведке, где только и ждут, когда же им в руки попадется хотя бы один полноценный румынский диверсант.

Пленный еще несколько мгновений помолчал, затем едва слышно произнес:

– Хорошо, я принимаю ваши прежние условия.

– Итак, где остальные четверо? Дальше отвечай на русском.

– Их не четверо, а пятеро.

– Понятно, мы имеем в своем тылу группу из шести диверсантов.

– Шестым оказался радист, заброшенный еще раньше, перед самым началом войны, на парашюте. Есть также проводник, из местных молдаван, который много лет добывал камень, а потому хорошо знает местные катакомбы. Заставили мы его, само собой...

– Ладно, с проводником мы потом разберемся. Кто командир группы?

– Какой-то капитан.

– Что значит: «какой-то капитан»? Мы ведь уже договорились, что у нас серьезный солдатский разговор.

– До того как войти в катакомбы, я его всего дважды видел. Ну, еще в самолете, когда нас из Тирасполя перебрасывали. Однако же ни в самолете, ни в подземных лабиринтах разговаривать с ним не приходилось. Он приказывал, я выполнял. Одно могу сказать: что он не обычный армейский разведчик, которого отправляют за линию фронта, чтобы добыть «языка».

– Каким же образом вы проникли в наш тыл? Все-таки большая группа, по степи...

– Так ведь по катакомбам мы и проникли, – пожал плечами пленный, удивляясь недогадливости русского офицера. – Вы что, решили, что мы только здесь, в тылу, спустились в катакомбы?

Гродов удивленно уставился сначала на политрука, а затем на старшину батареи. Уж мичман-то коренной, родом из этих мест. Нет, капитан, конечно, слышал, что где-то неподалеку

есть катакомбы и что чуть ли не вся Одесса построена на подземельях, которые до сих пор не изучены и не нанесены на карту, при том что уводят на десятки километров от города. Другое дело, что до сих пор никак не увязывал их с действиями на фронтах.

– Если бы не ваша «дунайская командировка», – понял свою оплошность старшина, – я бы, понятное дело, ознакомил вас хотя бы с нашими местными катакомбами. У нас их тут «булдынскими» называют, однако есть еще – ближнемельничские, что под самым центром города; молдаванские, слободские, большефонтанские, бугаевские, усатовские, кривобалковские... Причем знающие люди говорят, что почти все они между собою связаны... Вашему предшественнику я даже когда-то предлагал: а не пробиться ли нам к ближайшей катакомбе, чтобы доходить до нее прямо из орудийного каземата? Ведь на случай войны...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.